

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ДИАВЛО

ТРИЛОГИЯ
ВОЙНЫ ГРЕХА

Л Е Г Е Н Д Ы В Л И З З А Р Д

КНИГА ВТОРАЯ
ВЕСЫ

ВЕЛИКОГО ЗМЕЯ

РИЧАРД А. КНААК

Diablo

Ричард Кнаак

Весы Великого Змея

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Кнаак Р. А.

Весы Великого Змея / Р. А. Кнаак — «Издательство АСТ»,
2007 — (Diablo)

ISBN 978-5-17-135531-9

От начала времен небесное ангельское воинство и орды демонов из глубин Преисподней ведут нескончаемое сражение за будущее всего сущего. Ныне это сражение развернулось и в Санктуарии – мире людей. Преисполненные решимости склонить человечество на свою сторону, силы добра и зла ведут тайную войну за души смертных. Это история Войны Греха – конфликта, который навсегда изменит судьбу рода людского. Задавшийся целью уничтожить секту сторонников зла, Церковь Трех, Ульдиссиан не подозревает, что в том ему исподволь помогает Инарий, таинственный пророк из Собора Света. Одержимый стремлением возродить былое величие Санктуария, Инарий подталкивает Ульдиссиана к дерзкой попытке низвержения двух величайших религиозных культов, однако в расклад за судьбу мира украдкой вмешивается еще один игрок. Некогда – возлюбленная Инария, демонесса Лилит замышляет, пользуясь Ульдиссианом, точно собственной пешкой, превратить род людской в воинство нефалемов – богоподобных созданий, превосходящих могуществом любого ангела либо демона, способных перевернуть вверх дном все мироздание, а саму Лилит возвести к положению высшего существа.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-135531-9

© Кнаак Р. А., 2007
© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Пролог	7
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвертая	35
Глава пятая	43
Глава шестая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ричард А. Кнаак
Diablo

Трилогия Войны Греха

Книга вторая: Весы Великого Змея

Richard A. Knaak

DIABLO: THE SIN WAR. BOOK TWO. SCALES OF THE SERPENT

Печатается с разрешения компании Blizzard Entertainment International.

Перевод с английского Дмитрия Старкова

Иллюстрация на переплете Глена Рэйна

Серия «Легенды Blizzard»

© 2021 by Blizzard Entertainment, Inc.

Все права защищены.

The Sin War Book Two. Scales of the Serpent, World of Warcraft, Diablo, StarCraft, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах.

Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев.

* * *

DIABLO

**ТРИЛОГИЯ
ВОЙНЫ ГРЕХА**

Всем верным и весьма терпеливым поклонникам мира Санктуария

Пролог

...Второе пришествие нефалемов навечно изменило весь мир, но разительнее всего сущего изменился первый среди них, Ульдиссиан уль-Диомед. Не желавший себе ничего, кроме достойной и незатейливой жизни простого крестьянина, он был вынужден стать зачинателем массовых возмущений. Именно ему предстояло открыть людям часть правды о Санктуарии – так называли сей мир те, кто более всех прочих стремился завладеть им. Именно от него люди узнали об извечной войне меж ангелами и демонами в обличьях Собора Света и Церкви Трех.

Обнаружив в Ульдиссиане угрозу всем своим замыслам, и Собор, и Церковь пустили в ход все, чем располагали, дабы обманом превратить нефалема в послушную марионетку или же погубить. Мало того, обманутый тою, кого полагал возлюбленной, Ульдиссиан сделался опасен для себя самого, ибо, стремясь освободить род людской от ярма тех, кто считал себя законными повелителями человеческой расы, перестал замечать, что творится вокруг него.

Однако, чувствуя на утомленных плечах тяжесть судьбы всего Санктуария, Ульдиссиан не знал, что были и другие, кто бился с его врагами уже сотни лет, бился и не сдавался, сколь ни бесплодной, сколь ни безнадежной казалась борьба сия на протяжении многих веков.

Да, знать о них он не мог, и это, вполне возможно, было лишь к лучшему... ибо они, в свою очередь, не понимали, как поступить с ним – раскрыть ли навстречу объятия... или же уничтожить, согласившись в том с ангелами и демонами.

*Из «Книг Калана»
том пятый, лист первый*

Глава первая

Огромный город, именуемый Тораджей, горел...

Неизменно уступавшая великому Кеджану, что на востоке, и в великолепии, и в величине, Тораджа, однако ж, широко славилась неповторимыми достопримечательностями, доставлявшими немало радостей и самим горожанам, и странникам из далеких краев. Сразу же за северо-западными воротами города начинался просторный открытый рынок, где за сходную цену можно было купить либо продать любой товар из известных земель. Невдалеке от центра города находились украшенные множеством прекрасных статуй, разбитые несколько веков назад сады, где всякий желающий мог полюбоваться спиральными деревьями или легендарными фалоцветами – цветами сказочной красоты, каждый лепесток коих переливается более чем дюжиной различных ярких оттенков. Аромата этих цветов не сумел повторить еще ни один парфюмер. За садами высилась громада Арены Клитоса, под кровом которой устраивались Ниролийские Игры, привлекавшие заезжих зрителей даже из самой необъятной столицы.

Но в ту ужасную ночь все эти легендарные места, обычно битком набитые публикой, были пусты. Некое оживление наблюдалось лишь в одном-единственном месте, однако кое-какие следы его были видны за целую милю даже из чащи джунглей, окружавших стены Тораджи.

Тораджа пылала... а в самом центре пожара высился храм Церкви Трех.

Отсветы пламени озаряли небо высоко над треугольной постройкой о трех башнях, самым большим храмом секты на свете, если не брать в счет главного храма недалеке от Кеджана. Из окон фронтальной башни – той, что посвящена Мефису, одному из трех духовпокровителей Церкви – клубами валил черный дым. Исполинский красный круг, символ и ордена, и *любви*, считавшейся сферой влияния Мефиса, кренился книзу, и, отлитый из железа, угрожал тем, кто находился внизу, не меньше огня, пожиравшего опорные балки. Увы, постигшей храм участи зодчие, воздвигавшие здание, и представить себе не могли, а посему о дополнительных опорах не позаботились.

Но если башне Мефиса только грозила неминуемая беда, то с башней Диалона, что справа, самое худшее уже произошло. Баранья голова, символ целеустремленности, по-прежнему гордо висела на месте, но выше, над нею, постройка превратилась в развалины. Странно, однако окрестные улицы почти не пострадали от падающих обломков верхних этажей: большая часть каменной кладки и треснувших балок осталась грудой лежать наверху, точно башня каким-то образом обвалилась внутрь.

Возле ступеней бурлили огромные толпы народу. Толпившиеся у самого входа были облачены в лазоревые, золотые и черные одежды трех орденов. Среди них виднелись кирасы и капюшоны храмовых мироблюстителей, вооруженных мечами и пиками. Правoverные почитатели Троицы отражали штурм. Шедшие на приступ в первых рядах были одеты попросту, по-крестьянски, на манер обитателей верхних земель, что лежат далеко на северо-западе, за пределами необъятных джунглей. Бледностью кожи и облегающими нарядами те, кто увлекал за собой остальных, разительно отличались не только от служителей Церкви, по большей части смуглолицых, но и от основной массы атакующих храм, что уверенно теснили противника. Да, основные силы выступивших против Церкви Трех состояли из местных, из уроженцев самой

Тораджи, о чем наглядно свидетельствовали свободные, складчатые, алые с пурпуром одежды и темные волосы, собранные в пучок на затылке.

Большая часть факелов, освещавших поле битвы, пылала над рядами штурмующих, однако в пожарах, пожиривших близлежащие городские кварталы, вероятнее всего виновны были отнюдь не они. Правду сказать, с чего начались пожары, никто толком не разглядел. Видели люди одно: поджог домов изначально был выгоден жрецам... и этого оказалось довольно, чтоб все их симпатии к Церкви Трех обернулись гневом. Гнев сей и решил дело, подвигнув Ульдисиана к немедленному штурму храма. Прибыв в Тораджу и едва оправившись от изумления при виде такого множества людей, теснящихся в стенах одного поселения, он решил постепенно склонить горожан к мирному выдворению из города жрецов и их присных. Однако после такого злодеяния, погубившего многие дюжины местных и даже часть его изначальных сторонников, в сердце бывшего крестьянина не осталось ни крупницы, ни крохи жалости.

«Я пришел в этот город, надеясь стать людям наставником, обратить их к истине, – с горечью думал Ульдисиан, шагая к ступеням, – и вот к чему они нас принудили».

Толпа, даже не видя его, расступилась. Приближение Ульдисиана чувствовал всякий, кого ни коснулась его сила – сила нефалема. Сообразив, что Ульдисиан замышляет нечто новое, штурмующие ослабили натиск.

Постигшие храм разрушения учинил вовсе не он. То были плоды куда более примитивных стараний кое-кого из его самых рьяных сторонников, наподобие Рома. Один из вожаков партизанцев, Ром также числился среди немногих самых способных Ульдисиановых учеников. Парте выпало стать вторым после его родной деревни, Серама, поселением, узревшим чудо пробудившегося в Ульдисиане дара. Не в пример серамцам, объявившим Диомедова сына злодеем и убийцей, партизанцы восхитились его невероятными способностями и всей душой приняли его простые, но чистосердечные взгляды на жизнь.

Что бы ни утверждала молва, на пророка, идущего в священный бой, Ульдисиан не походил ничуть. Не был он ни ангелоподобным нестареющим юношей наподобие Пророка, возглавлявшего Собор Света, секту-соперницу Церкви Трех, ни среброволосым, ко всем вокруг благосклонным старцем вроде Примаса, служители коего ныне ожидали Ульдисианова гнева. Ульдисиан уль-Диомед был рожден для стези землелазца. С квадратной челюстью, с грубыми чертами лица, в обрамлении короткой бороды, крепостью сложения он, благодаря жизни в нелегких трудах, превосходил многих, но более ничем примечательным на общем фоне не выделялся. Светло-желтые, песочного цвета, волосы его неопрятно топорщились на затылке: в хаосе этой ночи все старания привести себя в благопристойный вид пропали впустую. Одет Ульдисиан был в простые коричневые штаны и рубаху, да изрядно поношенные сапоги. Оружия, кроме ножа за поясом, при нем не имелось. Сам по себе оружие куда более грозное, чем острейший на свете клинок, чем самые быстрые, самые верные стрелы, в ином вооружении Ульдисиан не нуждался.

Даже отряд мироблюстителей, ринувшийся навстречу с верхних ступеней, был ему нипочем. Жрец Диалона, оставшийся позади, властно закричал, отдавая распоряжения. Особой ненависти к этому глупцу Ульдисиан не питал. Он знал: жрец попросту изрекает приказы вышестоящего, затаившегося в самом сердце храмовых комнат. Тем не менее, и воинам, и жрецу в скором времени предстояло дорого заплатить за свою фанатичную верность гнусной секте.

Подпустив стражей почти на расстояние удара, Ульдисиан без труда разметал весь отряд в разные стороны. Одних швырнуло (да с такой силой, что хрустнули кости) о колонны, венчавшие лестницу, другие же, долетев до самых бронзовых дверей, бесформенной грудой рухнули к порогу храма. Еще одни, отброшенные вбок, с грохотом попадали под ноги замершей в ожидании толпы, при виде такой демонстрации силы вождя взорвавшейся ликующими криками.

Тут лучник, стоявший рядом со жрецом, спустил тетиву. Пожалуй, худшей идеи ему в голову прийти не могло. Ульдисиан сдвинул брови, только этим и выразив всю жуть нахлынувших воспоминаний. В этот миг ему вспомнилось, как его друг, Ахилий, бросил вызов демону по имени Люцион, в обличье Примаса основавшему Церковь Трех, дабы, сея в сердцах человеческих порчу, обрести власть над каждым из рода людского. Особенно ярко, точно пережив все это заново, вспомнил Ульдисиан стрелу, пущенную охотником, но волею демона обращенную против него самого и *произвищую* горло Ахилия.

То же самое проделал Ульдисиан со стрелой, направленной ныне в него. Описав дугу в воздухе, стрела без промедления помчалась вспять. Лицо лучника посерело от ужаса... однако целью оказался вовсе не он.

Прошив грудь жреца словно воздух, стрела полетела дальше, набрала скорость, достигла дверей, украшенных округлым символом Мефиса, а там, послушная воле Ульдисиана, угодила в самый центр круга, в самое яблочко, и глубоко вонзилась в металл.

Произошло все это столь быстро, что тело жреца даже не дрогнуло. Теперь же в горле его забулькало, из раны и изо рта толчком выплеснулась кровь, черты лица обмякли... и человек в долгополых ризах, рухнув вперед, точно жуткая тряпичная кукла, кубарем покатился к подножию лестницы.

Охваченный ужасом, стрелок выронил лук, пал на колени и уставился на Ульдисиана в ожидании неминуемой гибели.

Вокруг воцарилась гробовая тишина. Ульдисиан твердым шагом подошел к стражнику. За спиной сломленного воина угрюмо перестраивались остальные защитники храма. Заливавшая мрамор кровь самых горячих из приверженцев Ульдисиана свидетельствовала: мироблюстители полны решимости не допускать в храм никого из живых.

Закаменев лицом, Ульдисиан опустил руку на плечо коленопреклоненного стража.

– Этого пощадить... для примера, – громче грома пророкотал Диомедов сын. – А остальные, – добавил он, опалив гневным взглядом прочих мироблюстителей, – пусть катятся в Преисподнюю, следом за своим Примасом.

Его слова ввергли вооруженных стражей в некоторое замешательство: о победе Ульдисиана над Люционом им знать было неоткуда. Подобное Ульдисиан замечал уже не впервые. Следовало полагать, вести о необъяснимом исчезновении Примаса отдаленных храмов еще не достигли. Очевидно, высшее жречество всеми силами скрывало от паствы случившуюся беду... однако Ульдисиан позаботится о том, чтобы правда как можно скорее разлетелась по всему миру.

Впрочем, этим, из Тораджи, будет уже все равно. После сегодняшней ночи слова «Церковь Трех» для большинства горожан превратятся в проклятие... как, весьма вероятно, и его, Ульдисианово, имя.

– Довольно вы пролили крови других людей, – продолжал он, не сводя глаз со жрецов и стражей, – теперь же сполна расплатитесь за нее собственной.

Один из мироблюстителей ахнул. Поперек его горла внезапно разверзлась рана, и из нее хлынула кровь. Мироблюститель зажал рану ладонью, но и ладонь тоже начала обильно кровоточить. Все тело воина покрылось рублеными ранами, точно под градом ударов незримых мечей, откуда тут же хлынула кровь.

Стоявшие рядом подались назад, но в следующий миг та же участь постигла еще одного, и другого, и третьего. Тела их покрылись похожими ранами, кровь заструилась даже из-под кирас, из-под шлемов, из-под капюшонов.

Наконец первый из стражей упал. Некогда чистый мрамор под ним украсился багровой лужей не меньше его головы. Следом за ним упал с ног еще один воин... а после и храмовые стражники, и жрецы начали падать замертво, точно скошенная трава. Раны их были во сто крат ужаснее тех, что сами они за многие годы нанесли и соотечественникам Ульдисиана, и многим

другим, погубленным ими в тайне от всех. Из тех, на кого пал недобрый взгляд Диомедова сына, не уцелел ни один.

Стоявшие среди защитников храма в прочих местах, жестокосердные мироблюстители разом утратили всякое самообладание. По одному, по двое, воины стали покидать строй, а жрецы, не меньше потрясенные неземным могуществом одинокого, ничем не примечательного на вид человека, даже не помышляли их останавливать.

При виде столь убедительного свидетельства полной победы толпа снова взревела, вновь устремилась вперед, захлестнула, смяла оставшихся мироблюстителей, не пощадив, как и велел Ульдиссиан, никого. Сын Диомеда шел сквозь кровавую битву, более озабоченный тем, что находилось за стенами храма. Мироблюстители и жрецы низших рангов не представляли собой ничего: истинная опасность поджидала его в самом сердце личных покоев высшего иерарха, подчинявшегося только Примасу и, таким образом, знавшего всю нечестивую правду касательно происхождения и предназначения Церкви Трех.

Теперь Ульдиссиану преградили путь три двери – баран Диалона, круг Мефиса и лист Балы вровень с лицом. В средней двери все еще подрагивала стрела, по его повелению пробившая навывлет тело жреца. Этой-то дверью Ульдиссиан и решил воспользоваться, пусть даже заметил, что она заперта изнутри.

Дверь издала громкий жалобный скрип, дрогнула, вогнулась внутрь, будто вот-вот разлетится на куски, но вместо этого, наконец, сама собой *распахнулась* настезь, да с такой силой, что две петли выскочили из гнезд в камне, а створки косо повисли на остальных.

Позади Ульдиссиан чувствовал с полдюжины соратников, идущих за ним по пятам. Остановить их сейчас не удалось бы не только мироблюстителем, но даже ему. Все они помышляли лишь об одном – все они жаждали мщения.

Подумав об этом, Ульдиссиан забеспокоился. Причины их гнева он вполне понимал. Чуть более двух недель назад, он, его брат Мендельн, их общая подруга Серентия и партанцы вошли в Тораджу усталыми путниками, в благоговейном восторге глазевшими на все вокруг. Ульдиссиан шел сюда с намерением *мирно* раскрыть тайну дара всем, кто пожелает к нему приобщиться, но Церковь Трех сразу же всполошилась, как будто в самом сердце ее вдруг появился целый выводок ядовитых гадюк.

Через два дня после того, как на рынке вокруг Ульдиссиана начали толпами собираться люди, в большинстве своем просто желавшие послушать его рассказ, за ними явился отряд тораджской стражи, дабы силой прогнать из города его приверженцев, а самого бывшего крестьянина уволочь неведомо куда, под арест. Никаких объяснений их не удостоили, однако всем тут же сделалось ясно: приказы исходят непосредственно из городского храма.

До этой минуты Ульдиссиан полагал, что в Торадже все выйдет точно так же, как в Парте. Хотя, возможно, сходства меж ними было больше, чем ему показалось вначале: разве Церковь Трех не нанесла ему удар и там? По приказанию верховного жреца Мефиса, жестокосердного Малика, его друзей зверски убили, а сам Ульдиссиан едва избежал участи беспомощного пленника.

Пронзительный вопль за спиной вмиг положил раздумьям конец. Сын Диомеда вихрем развернулся назад.

Двое его сторонников распростерлись на каменных плитах пола мертвыми, а еще трое получили серьезные раны. Из шей их, из груди, из прочих мест тела торчали металлические звездочки. Убитые оказались партанцами, и новые потери среди тех, кто по собственной воле последовал за отнюдь не желавшим того Ульдиссианом в далекие джунгли, потрясли его до глубины души.

Гневно взмахнув рукой, он отправил вперед, через зал, волну воздуха – и как раз вовремя. Новый рой металлических звезд, очевидно, выпущенных каким-то потайным, спрятанным в стене механизмом, замер в полете на полпути. Послушная воле Ульдиссиана, большая часть

смертоносных снарядов зазвенела об пол, не причинив никому никакого вреда, но несколько штук он вогнал назад, в гнезда, дабы предотвратить новые залпы, а покончив с этим, поспешил к раненым.

Трое смертельно раненных оказались тораджанами. С одним из них Ульдиссиан был прекрасно знаком. Именно он, Джебзан Рашин, темнокожий юноша, единственный сын состоятельного купца, проживавшего неподалеку, подошел к бледнолицему чужеземцу, державшему речь на площади, первым. Причин слушать Ульдиссиана с охотой у него не было никаких, ибо жил Джебзан в достатке, нужды ни в чем не испытывая. Однако он слушал, и слушал внимательно. А когда Ульдиссиан предложил поделиться собственным даром с любым тораджанином, кто ни захочет, вперед немедля шагнул не кто иной, как Джебзан.

Умирающий юноша поднял взгляд на подошедшего. Белки его глаз, подобно белкам глаз всех тораджан, казались Ульдиссиану небывало, сказочно яркими. Конечно, он понимал: это всего лишь из-за смуглости кожи, но все-таки зрелище завораживало.

Джебзан вымученно улыбнулся, открыл рот... и умер. Понимая, что раненого юношу не смог бы спасти даже он, Ульдиссиан выругался.

Однако с остальными дело вполне могло обстоять *иначе*. Вспомнив об этом, старший из сыновей Диомеда бережно опустил голову Джебзана на пол, повернулся ко второй жертве и немедля коснулся ладонью лба тораджанина.

Раненый ахнул. Острые звезды с жутким чмоканьем повыскакивали из ран... тут же и *затянувшихся*. Тораджанин расплылся в благодарной улыбке.

То же самое Ульдиссиан проделал и с третьей из раненых, женщиной, а после с горечью оглянулся на тело Джебзана. «Да, двое живы, но он-то мертв. Вот какова цена твоему хваленному дару...»

– Он на тебя не в обиде, – сказал Мендельн, подошедший сзади. Даже сейчас, среди боя, голос брата звучал совершенно спокойно. – И теперь понимает все сущее куда лучше любого из нас.

Не столь крепкий сложением, Мендельн всю жизнь превосходил старшего брата в учености. От Ульдиссиана он принял то же прикосновение, что и прочие новообращенные, но с Мендельном почему-то происходило нечто совершенно иное. Силы, подобной собственной, Ульдиссиан в единственном уцелевшем члене семьи не чувствовал. Вместо этого в Мендельне росла, набирала силу какая-то тень, однако счастие ее порождением некоего зла Ульдиссиан не мог.

Впрочем, порождением чего-либо *доброе* – тоже.

– Я понимаю одно, – прорычал Ульдиссиан, глядя в живые, черные глаза брата, – и он, и многие другие мертвы... но чьей вины в этом больше, моей или Церкви Трех, наверное, не пойму никогда.

– Я говорил не об этом...

Однако больше Мендельн не сказал ничего. Обогнув облаченного в черное брата, Ульдиссиан двинулся дальше, в глубину храма. Остальные последовали за ним, уступив Мендельну путь в точности так же, как предводителю. Вот только в случае Мендельна причиной тому являлось не только почтение к его положению, но и нежелание приближаться к болезненно-бледному юноше. Странность, инакость младшего из Диомедовых сыновей чувствовали даже не испытывавшие прикосновения.

– Дар я вам показал, – напомнил Ульдиссиан шедшим сзади, между делом мысленно нащупывая опасности, таящиеся впереди. – Не забывайте же к нему *прибегать*. Он – ваша жизнь. Он – это вы, вы сами.

И в этот миг он почувствовал *их* приближение. По спине пробежал холодок. Только бы люди прислушались к его словам... не то еще многих вот-вот постигнет ужасная смерть.

С этой мыслью Ульдисиан вновь развернулся вперед. Огромный зал, где все они находились, служил местом общего сбора приверженцев всех трех орденов перед началом проповедей. Двери, ведущие в орденские залы, стерегли огромные изваяния духов-покровителей Церкви Трех, неземных созданий в длинных, просторных одеждах, с едва различимыми чертами лиц. Слева стоял Бала, державший в руках чудесный молот и мешок, в коем хранились семена всего живого на свете. Диалон – тот, что справа – прижимал к груди Скрижали Закона.

Ну, а посреди них стоял Мефис... ну да, как же без Мефиса... не державший в руках ничего, но сложивший ладони чашей, точно готовясь бережно принять от матери новорожденного.

Новорожденного младенца... обреченного на заклание, как всякий раз воображал себе Ульдисиан. Живо представив себе сию картину, он вскинул руку, останавливая остальных, и тут все три двери распахнулись настежь, открывая путь в зал жутким, звероподобным воинам в черной, как смоль, броне. С кровожадным рыком, высоко вскинув оружие над головой, они устремились вперед. Пусть даже намного уступая атакующим в численности, силу враги собою являли весьма и весьма устрашающую, особенно для Ульдисиана, знавшего их лучше остальных. С первого же взгляда было ясно: под черными латами вовсе не брэнная плоть – скорее, некая адская тварь, и тварь ту давным-давно заждалась могила. Почувствовав смещение в рядах соратников, Ульдисиан понял: он должен показать им, что морлу – враг, конечно, грозный, однако отнюдь не несокрушимый.

Но прежде чем он успел нанести удар, перед глазами вспыхнул яркий, слепящий свет. Вскрикнув, Ульдисиан покачнулся и налетел спиной на идущего следом. Опять, опять он, переживая за остальных, переоценил свои способности! Переоценил... а ведь должен был ожидать, что у жрецов найдется в запасе какая-нибудь уловка, которую они пустят в ход одновременно с этой новой атакой.

Чьи-то руки рванули Ульдисиана в сторону в тот самый миг, как в правый бок его врезалось могучее тело латного воина. Закружившись волчком, Ульдисиан рухнул на пол.

Пока он безуспешно пытался проморгаться, повсюду вокруг зазвучали жуткие вопли. Ужасающий хруст ломающихся костей снова вогнал его в дрожь. Услышав утробный хохот, сын Диомеда узнал демонический голос морлу, упивающегося учиненной резней.

Обнаружить в Торадже хоть одного из этих дьявольских слуг Церкви Трех Ульдисиан вовсе не ожидал. Он полагал, будто большая часть их братии не покидает стен огромного храма недалеко от столицы, а те, что сопровождали Малика, были посланы с ним в виде исключения, из-за особого интереса Примаса к его, Ульдисиановой, особе. Что же получается? Если в каждом из храмов имеется по отряду морлу, ничего хорошего это не предвещает. Это значит, морлу на свете куда больше, чем он себе представлял...

В глазах начало проясняться. Ускорить сие Ульдисиан почему-то не смог, и оттого пришел в ярость: слишком, слишком уж медленно к нему возвращалось зрение.

Первым, что он сумел разглядеть – и немедля заслонившим собою все остальное, – оказался морлу, бросившийся на него.

Двигался массивный латник с необычайным проворством. Схватив Ульдисиана за шиворот, он поднял жертву на уровень глаз.

Разумеется, на самом деле глаза морлу представляли собой всего-навсего бездонные черные впадины, однако Ульдисиан ни минуты не сомневался, что видят они куда лучше очей любого смертного. Во время ожесточенной борьбы в доме мастера Итона он всякого насмотрелся и теперь прекрасно понимал, сколь недобрые, сколь могучие силы движут воинами в угольно-черных шлемах.

– Ты... тот самый, – прохрипел нападавший. Голос его никак не мог бы сойти за голос живого. – *Тот самый...*

Собравшись с духом, Ульдиссиан сосредоточился... но тут перед его глазами снова вспыхнул ярчайший свет, и снова сын Диомеда оказался полностью ослеплен.

Морлу захохотал громче прежнего, и вдруг, странно крякнув, выпустил ничего не видящего Ульдиссиана, который упал и едва не раскроил череп об каменный пол.

Встряхнув головой, Ульдиссиан обратил все силы на то, чтоб обрести зрение. Когда в глазах вновь прояснилось, взору его предстала... Серентия, сжимающая копьё, которым она пронзила морлу, точно тот не был закован в латы и не весил ни унции. Копьё в ее руках мерцало серебром, черные волосы реяли в воздухе, словно живые, неизменно ясные голубые глаза полыхали огнем непоколебимой решимости, обычно белые щеки покраснелись, на алых губах играла улыбка, исполненная мрачного удовлетворения. Ульдиссиан не сомневался: глубже и глубже вонзая копьё в брюхо судорожно корчащегося латника, она вспоминает гибель Ахилия. Многие годы искавшая благосклонности Ульдиссиана, она полюбила Ахилия перед самой его смертью... и, стоило вспомнить об этом, Ульдиссиану вновь сделалось невыразимо совестно.

Приняв дар Ульдиссиана одной из первых, Серентия уже освоилась с ним не в пример лучше большинства. Опять же, Ульдиссиан понимал, что эти способности прямо связаны с ее горем, но таким успехом с ее стороны был просто ошеломлен.

Алчущая ухмылка на вражьем лице уступила место чему-то, граничащему со страхом. Морлу отчаянно тянул к Серентии руки, но длина копья позволяла ей держать противника на расстоянии.

В эту минуту она походила на кого угодно, только не на дочь деревенского торговца. Простую полотняную блузу и юбку Серентия сменила на свободные, цветастые одежды тораджанок. В самом деле, благодаря длинным, лоснящимся волосам цвета воронова крыла, она выглядела так, будто в ее жилах течет некая толика тораджанской крови. Подол платья значительно расширился книзу, а вместо сапог Серентия обувалась в ременные сандалии, более привычные для местных жителей.

Огромный морлу неудержимо затрясся всем телом, начал сжиматься, скукоживаться. Не прошло и секунды, как он сделался еще больше похож на заждавшийся погребения труп: теперь его кости облекала лишь бледная морщинистая кожа, однако Серентия высвободить копьё не спешила. Лицо девушки озарилось внушающим страх азартом...

На сердце стало тревожно: страшно подумать, куда могла завести ее подобная ярость.

– Серри! – окликнул ее Ульдиссиан, воспользовавшись детским, уменьшительным именем, которому перестал отдавать предпочтение лишь недавно.

Голос его пробился сквозь грохот и лязг... и сквозь пелену ее гнева. Оглянувшись на Ульдиссиана, Серентия вздрогнула и вновь перевела взгляд на морлу. По щеке ее скатилась непрошенная слеза – слеза по Ахилию.

Стоило ей потянуть древко на себя, копьё с легкостью выскользнуло из тела противника. Закованный в латы злодей рухнул на пол, точно марионетка, внезапно лишившаяся нитей. Кости и части доспехов покатались по мраморным плитам во все стороны.

В устремленном на Ульдиссиана взгляде Серентии чувствовались облегчение и благодарность. Ни слова более не говоря, Ульдиссиан понимающе кивнул ей, поднялся и оглядел остальных.

Как он и опасался, засада стоила наступавшим новых потерь. Да, многие из распростертых по полу тел были телами морлу, но и тораджан с партанцами погибло немало. Среди последних Ульдиссиан углядел партанку, оказавшуюся рядом в тот день, когда он (невдалеке от той самой главной площади Парты, где впервые выступил с проповедью) исцелил сухорукого от рождения мальчика. Это заставило с горечью на сердце вспомнить и паренька, и его мать, Барту – ведь оба они погибли, когда горожане, защищая его, вышли на бой с Люционом. Мальчику не посчастливилось оказаться в числе полудюжины случайных жертв демона, а Барта – твердокаменная, непоколебимая Барта – вскоре после этого умерла от разрыва сердца.

«Сколько крови, – подумал Ульдиссиан. – Сколько пролито крови... и все – из-за меня... из-за их веры в то, что я принес им...»

Но тут в зале воцарилась тишина, и Ульдиссиан понял: бой вновь, пусть и на время, окончен. Морлу не столь уж значительно проредили ряды наступавших, нет – это звероподобные твари Люциона оказались истреблены без остатка. Конечно, жизнью они погубили немало, отнюдь немало, однако морлу пало значительно больше.

Это само по себе было чудом, но, что гораздо важнее, остальные последовали примеру Ульдиссиана с Серентией! Покончить с морлу им помогло не только оружие, но и тот же дар, что пустил в ход Ульдиссиан, пусть даже примененный не столь целенаправленно. Один из вражеских воинов был рассечен надвое в поясе, причем на удивление аккуратно: сложи половинки вместе – того и гляди, оживет. Мертвое тело другого безжизненно покачивалось в вышине, свисая с протянутых вперед рук Мефиса. Многие дюжины прочих лежали там и сям, изувеченные на самый разный манер... и, поражаясь увиденному, Ульдиссиан, невзирая на собственные потери, надеялся, что эта победа воодушевит уцелевших товарищей.

Еще раз оглядев убитых, сын Диомеда сглотнул подступивший к горлу комок. Треугольные плиты пола были во многих местах запятнаны черной желчью... или что там еще заменяло морлу кровь, однако с этой мерзкой слизью смешались бесценные жизненные соки тех, кто оказался недостаточно расторопен, либо не вовремя усомнился в собственном даре. Скорбя о каждом, Ульдиссиан снова проклинал судьбу за то, что при всем своем хваленом могуществе не сможет их воскресить.

Все это, в силу причин, неведомых ему самому, заставило вновь оглядеться в поисках Мендельна.

Брата Ульдиссиан обнаружил склонившимся не над убитым товарищем, но над двумя из морлу, тела коих отчего-то переплелись одно с другим. При виде такой изобретательности сын Диомеда приподнял бровь и призадумался, гадая, кому из приверженцев удалось проделать подобную штуку.

Мендельн, отвлекшись от морлу, поднял взгляд на него. Как правило безмятежное, лицо брата сделалось заметно мрачнее обычного.

– Это еще не конец, – без всякой в том надобности объявил он, однако следующие его слова встревожили старшего из сыновей Диомеда до глубины души. – Ульдиссиан... здесь *демоны*.

Едва услышав это, Ульдиссиан тоже почувал демонов, причем где-то поблизости. Прежде сей ужасающий факт от него заслоняла скверна морлу... также созданий по сути своей демонических, хоть и из брэнной плоти.

Однако теперь Ульдиссиан чувствовал, где их искать... а еще чуял: они поджидают *его*.

Иметь дело с демонами, кроме Люциона, ему уже доводилось, да только ни один из прочих столь же опасным, как сам Примас, не оказался. И все-таки эти, новые, ждали слишком уж терпеливо – нелегкое дело для всякого демона, кроме самых коварных, что наводило на определенные подозрения. Эти демоны *знали*, кто он таков, знали, каким он стал...

Ну что ж, иного выбора нет.

– Мендельн... Серентия... с остальных глаз не спускать! За мной никому ни шагу!

Брат согласно кивнул, но темноволосая девушка сдвинула брови.

– Ну нет, одного тебя мы не отпустим...

Но Ульдиссиан осадил ее одним-единственным взглядом.

– Второй Ахилий мне вовсе ни к чему. За мной *никому* ни шагу, особенно – вам двоим.

– Ульдиссиан...

Мендельн придержал ее за плечо.

– Не спорь с ним, Серентия. Так нужно.

Сказано это было в такой манере, что даже брат, приостановившись, задержал на Мендельне взгляд, однако Мендельн, как у него с недавних пор вошло в обычай, не сказал больше ничего.

Сколь ни загадочным казалось сие утверждение, Ульдисиан уже знал: подобные замечания не стоит пропускать мимо ушей.

– За мной – никому ни шагу, – еще раз повторил он, пригвоздив взглядом к месту всех до единого. – Не то вам гнев демонов покажется детскими шалостями.

Надеясь, что словам его внемлют, но все-таки опасаясь, как бы кое-кому – особенно Серентии – не пришло в голову послушаться, Ульдисиан двинулся к двери, которой пользовались приверженцы Диалона. Как только он переступил порог, дверь за спиной с грохотом захлопнулась, и обе другие двери захлопнулись тоже.

Путь остальным он – по крайней мере, на время – преградил надежно. Пожалуй, преодолеть его чары даже Серентии с Мендельном окажется нелегко. Пока это в его силах, в подземелья храма – туда, где поклоняются *истинным* повелителям Церкви Трех – не пройдет никто, кроме него самого. И без того слишком многие уже отдали за него жизнь...

С каждым шагом демоны ощущались все ближе, но где именно они затаились, Ульдисиан пока не понимал. Правду сказать, они были лишь одной из причин, побудившей Диомедова сына только себя подвергнуть риску.

«Может статься, это и имел в виду Мендельн», – внезапно понял Ульдисиан. Возможно, благодаря собственному необычайному дару, брат также почувствовал не столь явное, но все же заметное присутствие некоей *третьей* силы, ждущей появления Ульдисиана... силы куда могущественнее обычного высшего иерарха Церкви, и в то же время прекрасно им обоим знакомой.

Силой этой могла быть только *Лилит*.

Глава вторая

Отовсюду вокруг Мендельну слышался шепот, шепот множества голосов. Слушая речи жертв, он узнал всю ужасную правду об этом месте лучше кого бы то ни было.

«Как же их много, – подумалось ему. – Как много их, погубленных во имя зла... Как грубо нарушено Равновесие существованием одного этого храма...»

Что за «Равновесие» пришло ему на ум, брат Ульдиссиана не понимал, но знал: ужасные вещи, творившиеся в сокровенных покоях храма, без сомнений нарушили это Равновесие. Сей факт тревожил его куда сильнее смертей всех погибших за эту ночь, хотя в их совокупном эффекте тоже ничего хорошего быть не могло.

Вдобавок, еще и Лилит... или же Лилия – под этим именем ее знал и он сам, и Серентия, и, что горше всего, Ульдиссиан.

Тем временем Серентия, точно охваченная нетерпением кошка, расхаживала взад-вперед, не сводя глаз с дверей, столь надежно «запертых» Ульдиссианом. Остальные соратники разбежались по залу, принялись рвать в клочья величественные хоругви, хотя огонь, пожиравший другие части здания, рано или поздно уничтожил бы все внутреннее убранство и здесь. Зная, что на самом деле победа еще не за ними, Мендельн вслушивался в шепчущие голоса – даже в шепот мертвых жрецов и мироблюстителей. Голосов морлу он, конечно, не слышал: эти создания умерли давным-давно, и от них здесь осталась лишь пустота. Слушал он со всем вниманием, сосредоточившись на тех речах, что казались существеннее остальных.

«Как же мы были наивны, – едва не с тоской думал Мендельн. – Братья, крестьяне из крохотной деревушки, обреченные всю жизнь пахать землю и пасти скот...»

Ну, а до всего этого оба дошли по вине Лилит – Лилит, решившей сделать из Ульдиссиана пешку в какой-то потусторонней, иномирной борьбе демонов с ангелами за жалкий камешек, зовущийся среди них «Санктуарием».

За его, Мендельнов мир.

Спасителями рода людского Мендельн ни себя, ни брата не считал, однако Ульдиссиану выпала роль, от которой тот уже не мог отказаться. Теперь от его решений и дел действительно зависела судьба *всего сущего*, а Мендельн мог лишь держаться рядом да помогать брату, чем сумеет, сколь бы сомнительной ни оказалась эта поддержка.

Его раздумья были прерваны необычайной силы дурными предчувствиями. Голоса разом смолкли – все, кроме одного, к остальным явно не принадлежащего. Этот голос, куда более звучный, *живой*, был тем самым, что ободрял Мендельна, что указывал ему верный путь во время его загадочного преобразования.

«*Берегись... берегись рук Трех*, – предупреждал этот голос. – *Они хватают все, до чего ни дотянутся... и давят во всесокрушающих дланях...*»

Услышав столь туманный совет, Мендельн наморщил лоб. Какую пользу может нести в себе подобное знание?

– Серентия! – вскричал он с оживлением, какого не проявлял уже многие дни. – И вы все! От статуй держитесь подаль...

Но кое для кого предостережение оказалось слишком уж запоздалым. Исполинские изваяния, точно живые, склонились вперед. Тяжелый молот Балы обрушился на двоих тораджан, одним махом сокрушив обоих. Какой-то злосчастный партанец отлетел прочь, сбитый с ног ребром одной из Диалоновых скрижалей.

Что же до Мефиса... Схватив одну из женщин, Мефис стиснул ее, что было сил. Увидев, что из этого вышло, даже Мендельн почувствовал подступившую к горлу тошноту.

С пронзительным скрежетом, разнесшимся гулким эхом, точно дружный стон всех погибших, под сводами огромного зала, каменные истуканы сошли вниз, к вторгшимся в храм. Еще недавно вполне уверенные в себе, сторонники Диомедова сына подались назад, в сторону выхода, но двери, ведущие наружу, тоже оказались накрепко заперты... причем вовсе не стараниями Ульдиссиана.

– *Лилит*, – выдохнул Мендельн, глядя, как колосс-Диалон, обратив на него немигающий взор, поднимает над головой молот. – Вполне в ее духе...

* * *

Шествуя через пустынный молитвенный зал, Ульдиссиан ни на миг не давал отдыха ни глазам, ни ушам, ни прочим органам чувств. Сочетающие в себе признаки и мужского, и женского пола, изваяния Диалона взирали на Диомедова сына с высоты. Казалось, в их видимой доброжелательности таится особая, запредельно злая насмешка.

«Что за великий демон ты, Диалон? – мрачно подумал Ульдиссиан. – Каково твое настоящее имя?»

Внешние залы были прекрасно освещены множеством факелов в нишах. Здесь же единственным, довольно скудным источником света служили несколько круглых масляных ламп под сводчатым потолком. Мало этого, с каждым шагом тьма сгущалась сильнее и сильнее, а ярдах в десяти впереди, наконец, оборачивалась непроглядным мраком.

Однако Ульдиссиан шагал и шагал вперед. Пройдя меж рядов исполинских статуй, он вошел в тот самый коридор, который должен был привести его к ней.

В точности как ей и хотелось.

Прекрасный лик юной аристократки, казалось, впервые явленный его изумленному взору целую вечность тому назад, ничуть не стерся из памяти даже после того самого ужасного откровения с последовавшим за оным предательством. Густые, длинные белокурые локоны, нередко, как и подобает девице благородных кровей, искусно собранные в узел на темени, сверкающие зеленью изумрудов глаза, изящные, безупречные губы – все это останется с Ульдиссианом навеки.

Однако кошмарные воспоминания о холодной, безжалостной искусительнице, создании сплошь в чешуе, с жесткими, острыми иглами вместо волос и хвостом, как у ящериц, на которых она оказалась настолько похожа, тоже останутся с ним навсегда.

– *Лилия*, – с ненавистью и в то же время с тоской пробормотал он. – *Будь же ты проклята, Лилит...*

Какая-то тварь, семена лапами, проползла по носку сапога. Слегка испуганный не столько ею самой, сколько тем, что не почувствовал ее приближения, Ульдиссиан сощурился. Тварь оказалась всего-навсего пауком, хотя и довольно крупным. Стоило ли удивляться подобному существу в таком месте, а посему, в преддверии столкновения с тварями не в пример крупнее и смертоноснее, Ульдиссиан тут же позабыл о пауке.

Последняя из смрадно коптящих масляных ламп, моргнув, угасла. Вокруг воцарился мрак.

«Да это же – представление, балаган, устроенный специально для меня», – догадался Ульдиссиан. Он ведь явился сюда, охотясь за тем, что полагал злом, вот ему и создают соот-

ветствующее настроение... Похоже, для врагов все это была своего рода игра, и, осознав сие, человек разъярился сильнее прежнего. Им же плевать, плевать на все погубленные жизни – даже на жизни тех, кто служил им верой и правдой!

Тут что-то угодило ему прямо в лицо. Отмахнувшись, Ульдиссиан почувствовал какую-то мелкую тварь, ползущую по тыльной стороне ладони и, понимая, что это еще один паук, стряхнул ее на пол.

Решив, что такой поворот игры ему вовсе ни к чему, Ульдиссиан сотворил свет.

В первый раз ему удалось проделать подобное, благодаря (как выяснилось позже) помощи Лилит. Теперь этот трюк стал знаком и привычен, будто дыхание. Однако неяркий белый шар, сотворенный им на сей раз, светил куда менее ярко, чем должен был. Его мерцание едва освещало каменный пол и стены на пару ярдов вперед. *Чутье* Ульдиссиана достигало намного дальше, но природный инстинкт внушал желание видеть путь и глазами.

Сосредоточившись на светящемся шаре как следует, Ульдиссиан вполне мог прибавить ему яркости, но для этого волей-неволей пришлось бы отвлечься от всего прочего. Между тем, предстоявшее вовсе не походило на бой с Люционом, где все совершенное Ульдиссианом было достигнуто благодаря не столько природному дару, сколько безудержной ярости. Сегодня действовать следовало с оглядкой, со всей возможной осмотрительностью, ибо коварство Люциона не шло ни в какое сравнение с изворотливостью его сестрицы.

Коридор тянулся гораздо дальше, чем следовало – по крайней мере, если верить собственному чутью. Морок это, или же нет, в скором времени выяснится: вряд ли Лилит заставит его долго ждать...

Вдруг в шею сзади словно бы воткнули острую вилку. Пронзительно вскрикнув, Ульдиссиан взмахнул руками и стряхнул с шеи еще одну мохнатую, многоногую тварь.

Арахнид поспешил прочь из освещенного шаром круга. Потирая горящее место укуса, Ульдиссиан заметил, что мрак позади сделался гуще: свет из зала в коридор больше не проникал.

Ранка на месте укуса заныла. Раздосадованный, Ульдиссиан обругал себя за то, что позволил какому-то заурядному пауку пробраться сквозь оборону, которой не преодолели ни морлу, ни – пока что – Лилит.

Или... или вот как раз и *преодолела*?

Сосредоточив волю на ранке, Ульдиссиан живо избавился от всего, что ни оставил паук в его теле, а после полностью залечил укус. Этим трюком он был обязан верховному жрецу Малику, злодею, вначале извлекшему из собственной спины стрелу Ахилия и лишь затем занявшемуся оставленной ею раной.

Но не успел сын Диомеда управиться с делом, как на него хлынул целый поток многоногих созданий с острыми зубками и коготками. Выросший на ферме, он с малолетства привык к всякого рода жучкам-паучкам, однако подобных еще не видал. Эти бросились на него со злонамеренной целеустремленностью, проворно, со всех сторон, вгрызаясь, куда только могли. Их зубы прокусывали и одежду, и даже сапоги, а по спинам первых в поисках уязвимой плоти карабкались все новые и новые арахниды.

Поначалу Ульдиссиан повел себя, как простой человек, с руганью принялся отряхиваться от пауков, но те, будто в насмешку, сплошь облепили даже ладони, в мгновение ока покрыли Ульдиссиана с ног до головы.

Но тут разум возобладал. Сделав глубокий вдох и постаравшись при том не проглотить ни одной из крохотных ползучих гадин, Ульдиссиан сосредоточился на парившем в воздухе шаре.

Теперь шар, наконец-то, засиял ярче... правду сказать, в тысячу крат ярче прежнего, обдав жаром и Ульдиссиана, и его нежеланных «ручных зверушек».

Но если человека жар лишь согрел, то пауков спалил до единого.

Арахниды скорчились, съежились в невидимом пламени. От их пронзительных воплей, чем-то живо напомнивших человеческие, Ульдисиан едва не оглох. Крохотные обгорелые тельца дюжинами, сотнями посыпались на каменный пол.

Взмокший, скорее, от натуги, чем от жара, сын Диомеда умерил пыл шара до более сносной степени. Ноздри защекотала вонь... но, скорее, не гари, а гнили. Стоило Ульдисиану поддеть одну из груд арахнидов носком сапога, тела пауков рассыпались в прах.

Однако, снова опущенная на пол, нога не нашла под собою опоры – ушла в камень, как будто в воду.

Тут Ульдисиан почувал одного из демонов совсем близко, но было поздно. Некто, ухватившись за погруженную в камень ногу, потянул его книзу, под пол. Под сводами коридора эхом разнесся протяжный, неторопливый, злорадный смех.

Пол впереди, у самой границы освещенного шаром круга, вспучился, вздулся, подобно жуткой, нечеловеческой голове. Отворившаяся поперек нее трещина расплылась в стороны, приняв вид безжалостной, хищной улыбки.

– Хочу-у-у, – с вожделием протянул демон и снова загоготал.

Нечто, сжимавшее Ульдисианову ногу, поволокло его к медленно разевающейся пасти. Над пастью открылась еще пара трещин, поменьше, образовавших своего рода глаза.

– Е-е-е-е-есть, – жизнерадостно пророкотал демон. – Е-е-е-е-есть хочу-у-у...

Оправившись от изумления, Ульдисиан стиснул зубы и всем телом склонился вперед. Вероятно, решивший, что жертва хочет покончить со всем этим как можно скорее, демон снова загоготал. Да, именно это Ульдисиан предпринять и задумал... только не так, как бы хотелось устрашающей твари.

Удар кулака расплескал жидкий камень. Волна, поднятая вложенной в удар силой нефалема, захлестнула чудовищного противника в точности так же, как самого Ульдисиана – волна пауков. Что выйдет из его замысла, Ульдисиан себе даже не представлял, но твердо помнил: непоколебимость в стремлении к цели уже не раз и не два спасла ему жизнь.

Едва волна чистой силы схлынула, демон взревел от боли и ярости. Уголки его пасти зловеще опустились книзу, глаза полыхнули огнем.

– Гулаг убивать! – безо всякой на то надобности пророкотал монстр.

Стены рванулись вперед, сжимая Ульдисиана, только сейчас осознавшего, что частью ненасытного демона сделалось *все вокруг*.

Стиснутый камнем, крестьянин испустил страдальческий стон. Не в силах сдвинуться с места, едва ли не чувствуя, как ломаются кости, Ульдисиан приготовился сдаться, принять смерть, однако перед его мысленным взором снова возникло *ее* лицо – прекрасное и в то же время ужасающее... а в ушах вновь зазвучал *ее* невыносимо глумливый смех.

Напрягая все мускулы, он воспротивился сокрушительному натиску стен, поднажал, поднажал... и, наконец, победил. Стены расступились настолько, чтоб упереться в них ладонями, и вот тут Ульдисиан толкнул их в стороны, что было сил.

Пожалуй, изданный Гулагом звук мог означать только одно – недоумение. Очевидно, освободиться из его хватки еще никому не удавалось.

Немедля воспользовавшись неожиданным благоволением фортуны, сын Диомеда наклонился к полу и как можно крепче вцепился в жидкий камень. По всему судя, камню следовало попросту просочиться сквозь пальцы, однако сила нефалема снова возобладала над Гулаговой мощью. На ощупь демон оказался точно скользкая змея без костей. Как он ни корчился, как ни извивался, а высвободиться не мог.

– Гулаг все еще голоден? – с издевкой спросил Ульдисиан.

Но адская тварь, пусть и сбитая с толку, похоже, была слишком уверена в собственных силах, либо, по глупости, не понимала, что перед нею отнюдь не простой человек. Разумеется,

Ульдиссиан всей душой надеялся на последнее, но и первого сбрасывать со счетов не стоило, а значит, чем скорее он завершит бой, тем лучше.

Вложив в рывок всю свою исполинскую мощь, он потянул Гулага поближе. Демон поплыл к Ульдиссиану, и тут человек снова почувствовал, как кто-то неведомый вцепился в его лодыжки – на сей раз не в одну, в обе.

В этот же миг Гулаг вновь испустил дикий, звериный рев. Стены и камень пола поблизости всколыхнулись, стремительно хлынули к Ульдиссиану, несомненно, стремясь смять непокорную жертву. Инстинктивно задержав дыхание, Ульдиссиан устремил пристальный взгляд на Гулага... точнее сказать, на ту часть тела, что держал в руках – нечто на вид вроде выделанной кожи либо пергамента... это-то наблюдение и помогло решить, как быть дальше.

Ульдиссиан снова как можно шире развел руки в стороны, только на сей раз – покрепче вцепившись в шкуру демонической твари.

Самая суть, само естество демона с ужасающим треском лопнуло, разошлось надвое, точно вырезанное из пергамента, каким и вообразил его Ульдиссиан. На сей раз крик Гулага оказался подобен рокоту бурной реки. Стены и пол беспорядочно закачались, заходили ходун, да так, что Ульдиссиан, вынужденный разжать пальцы, не сумел устоять на ногах.

Но больше в запасе у демона ничего не нашлось. Атака Ульдиссиана покончила с ним навсегда. Разрыв сам собой разрастался, стремительно взбегая вверх, и ни на миг не замедлил движения, достигнув бездонной пасти и глаз, полыхавших зловещим огнем.

Гулага в буквальном смысле этого слова разорвало напополам. Обе половины затряслись, точно студень, испустили страдальческий стон, и...

Взревев напоследок, демон... растаял.

Тело его утратило всякую осязаемость. Окончательно сделавшись жидким, Гулаг лужей растекся по полу. Стены и потолок приняли совершенно обычный вид – разве что покрылись тоненьким слоем слизи.

Каменный пол под ногами тоже обрел прежнюю твердость, только подошвы чуточку липли к камню. В ноздри ударила вонь гниющих отбросов.

И тут внимание Ульдиссиана привлекло кое-что новое. Минуту назад коридор впереди казался бесконечным, теперь же впереди, всего в паре шагов, виднелась, манила к себе бронзовая дверь.

С опаской ступая по клейкой слякоти, что некогда была грозным демоном, Ульдиссиан приблизился к двери. Каждый миг ждал он новой атаки, однако очередного удара не последовало. Со створки двери на него благосклонно, смиренно взирал чеканный бронзовый Диалон.

Ульдиссиан сдвинул брови. Казалось, за изображением доброго духа скрывается некий иной образ – смутный, едва различимый. Сощурившись, он пригляделся...

И, ахнув, поспешил отвести взгляд. Только что он смотрел прямо на этот леденящий кровь образ, однако теперь не мог вспомнить ни единой его черты – помнил одно: подобного ужаса ему не внушало ничто и никогда. На миг в памяти всплыли витые рога, острые, точно кинжалы, клыки...

Встряхнув головой, Ульдиссиан прогнал прочь жуткие воспоминания. Вновь приглядеться к адскому изображению он не осмелился. Пусть и почти незримое, оно каким-то неведомым образом пробуждало в глубинах души первозданные детские *страхи*. На миг все кошмары, терзавшие маленького Ульдиссиана ночами, ожили, вновь обрели ту же самую, прежнюю яркость.

Собравшись с духом, Ульдиссиан протянул руку в сторону двери. Касаться ее он даже не помышлял. Быть может, Лилит с ней ничего и не проделала, но без пагубных чар верховных жрецов здесь наверняка не обошлось.

Точно под натиском какого-то гневного духа, дверь распахнулась, и Ульдиссиан переступил порог.

Зал за порогом оказался огромным – может статься, даже просторнее необъятного главного зала храма. Большую часть его окутывал мрак, а единственным источником света, помимо Ульдиссианова шара, служили факелы, озарявшие мраморное возвышение, увенчанное каменным пьедесталом, длиною чуть больше человеческого роста с небольшим уклоном на правую сторону.

На пьедестале том, на том *алтаре*, покоилось мертвое тело – тело человека, лишенное кожи и внутренностей.

Сдерживать отвращение Ульдиссиан даже не попытался. находка, свидетельствовавшая о человеческих жертвоприношениях, его нисколько не удивила, а вот свежесть ее потрясла до глубины души. В тот самый день, в то самое время, когда он и его соратники брали храм штурмом, еще одна живая душа была зверски погублена всего лишь затем, чтоб снискать благосклонность какого-то демона...

Тут в дальнем верхнем углу, над каменным пьедесталом, слегка встрепенулся некто, поначалу им не замеченный. Судя по всему, что удалось разглядеть, то была тварь, с виду напоминавшая мохнатого паука огромной величины... но вдобавок... вдобавок чем-то схожая и с *человеком*. Еще один демон?

Вспомнив паучьи полчища, Ульдиссиан заподозрил, что насланы они были именно им. Если так, эта тварь куда осторожнее и хитрее Гулага...

Стоило сделать шаг в сторону демона, навстречу из мрака дальних углов огромного зала выступили новые противники. Ну вот, а он-то как раз гадал, когда же за дело возьмется главный из местных жрецов! Судя по всему, что ему удалось узнать о «внутренней кухне» Церкви Трех, в храмах рангом пониже всеми тремя орденами управлял единственный иерарх, избранный из служителей Мефиса, Диалона, или же Балы, а делами каждого из трех культов ведали три подчиненных ему жреца. Трое (а ныне, со смертью Малика, *двое*) верховных жрецов, заправлявших всей сектой от имени Примаса, имелись лишь в главном храме, что близ Кеджана.

Грузно сложенный, лысый, облаченный в серое с кроваво-алым, глава храмовых жрецов едва ли не равнодушно махнул в сторону Ульдиссиана рукой. В тот же миг около дюжины послушников в одеяниях всех трех орденов воздели кверху ладони и затянули жутковатый напев.

На Ульдиссиана со всех сторон дохнуло невероятной стужей, однако простого желания согреться оказалось довольно, чтоб живо с нею покончить. Жрецы, осекшись, оборвали пение на полуслове, но главного их неудача ничуть не обескуражила. Под его презрительным взглядом двое ближайших нервно поежились и вновь принялись плести чары, а прочие их собратья немедля подхватили напев.

– Помолчите, – охваченный нетерпением, пробормотал Ульдиссиан.

Напев разом смолк. Еще пару секунд жрецы безмолвно разевали рты, и лишь после этого осознали, что все до единого лишились голоса.

Заинтересованно хмыкнув, главный жрец извлек из складок одежд небольшой лазоревый камешек. Очевидно, это послужило сигналом для нижестоящих: каждый из них сделал то же.

Подобные камни Ульдиссиан в последний раз видел в руках Малика и, благодаря ему, теперь знал: самоцветы эти служат для того, чтоб подчинять демонов. В той схватке ему исподволь помогла Лилит, немедля уничтожившая самого опасного демона, а после, во время боя с оставшимися, добавила к силе Ульдиссиана свою, которую тот без тени сомнений искренне посчитал за свою. Теперь сын Диомеда доверял своим силам куда больше прежнего, однако к чему рисковать, к чему лишний раз навлекать на себя беду, если с нею можно покончить немедля?

Бывший крестьянин стиснул пальцы в кулак.

Один из младших жрецов пронзительно вскрикнул: камень в его ладони вспыхнул огнем. Прочие, стоит отдать им должное, немедля сообразили, в чем дело, и побросали камни. Еще

трое – так уж оно получилось – тоже успели обжечься, но вовсе не столь ужасно, как первый. Этот упал на колени, с рыданиями прижимая к груди обгоревшие дочерна пальцы.

Главный жрец – новая странность с его стороны – насмешливо фыркнул. Сам он, отбросивший самоцвет еще до того, как Ульдиссиан закончил сжимать кулак, нимало не пострадал.

Нахмурившись, Ульдиссиан смерил его пристальным взглядом, присмотрелся к сокрытому за обликом смертного...

И тут-то понял... понял, кто перед ним.

Главный жрец, в свою очередь, догадался, что узнал.

– Думаю, эти нам больше ни к чему, – объявил лысый, точно колено, толстяк, бросив взгляд на своих прислужников. – Можете умереть.

Остальные уставились на него в крайнем недоумении. Видя это, Ульдиссиан проникся к ним кое-каким сочувствием... но невеликим: сами они, небось, охотно лили кровь да губили живые души в угоду своим темным повелителям!

Жрецы, как один, рухнули на пол. Ни один из них даже не вскрикнул, даже духа перевести не успел. Кроме полученных прежде ожогов, на мертвых телах не было ни царапины.

Что-то заставило Ульдиссиана немедля взглянуть в мрак, где прятался демон в облике паука. Чутье подсказывало: там, в темноте, нет больше никого. Очевидно, пока он занимался жрецами, жуткий обитатель сумрака куда-то сбежал.

– Наш милый Астрога весьма послушен, – странно женственным голосом пояснил главный жрец. – Если Примас велит ему сей же миг удалиться, он повинуется без колебаний.

– А известно ли ему, что его Примас – больше не Люцион, а сестра Люциона? – осведомился Ульдиссиан, глядя прямо в глаза жреца. – Известно ли ему это, *Лилит*?

Собеседница лукаво сощурилась. Пожалуй, этакий взгляд мог бы показаться весьма соблазнительным... если б не грузное, взмокшее от пота мужское тело.

– Страх, милый мой, ослепляет многих... как, кстати сказать, и любовь...

– Нет между нами любви, Лилит. Нет. Есть только ложь и ненависть.

Жрец обиженно надул губы.

– О, дорогой мой Ульдиссиан, все это из-за скверного наряда? Ничего, дело вполне поправимое. Мы с тобою одни, этот глупец свое назначение выполнил...

Грузное тело жреца окуталось буйным зеленым пламенем. Ульдиссиан вскинул вверх локоть, прикрывая глаза от его ослепительного, сверхъестественно яркого света. Едва зрение приспособилось к перемене, ризы и борода жреца, вспыхнув, обратились в пепел, обильная плоть почернела, обуглилась, кожа горящими хлопьями посыпалась на пол, обнажая мускулы, жилы и кости.

Слизанное языком пламени, лицо жреца исчезло, и теперь на Ульдиссиана глумливо скалился обнажившийся череп. Глаза при том каким-то чудом уцелели, но еще миг – и они, съевшись, провалились в глазницы, а ужасающая фигура сделала шаг к человеку.

– В конце концов, мне же хочется выглядеть перед тобою как можно лучше, – проворковал обжаренный огнем скелет.

К этому времени пламя успело поглотить все, кроме костей, да и кости таяли в огне на глазах. Однако за рассыпающимся на угольки человеческим остовом Ульдиссиан мельком смог разглядеть и изумрудно-зеленую ткань, и кожу, белую, точно кость. Ноги скелета рухнули на пол, а на их месте начала расцветать, распускаться нарядная юбка над парой изящных девичьих ступней. Грудная клетка лопнула, распахнулась наружу, открывая взору Ульдиссиана лиф знакомого элегантного платья, облегающего весьма и весьма женственную фигуру.

Затылок и темя почерневшего черепа лопнули под напором пышных золотистых волос, водопадом рассыпавшихся по плечам. Последними в огне исчезли остатки лица злосчастного жреца: вначале отвалилась нижняя челюсть, за нею – все остальное.

Подавшись навстречу Ульдиссиану, Лилит замерла перед ним во всей своей красоте. Что бы Ульдиссиан ни говорил, что бы ни утверждал, сердце его в этот миг дрогнуло, а с губ само собой сорвалось то самое имя, под коим он знал это создание небывалой красы лучше всего.

– *Лилия...*

Услышав это, она улыбнулась точно в той же, столь памятной Ульдиссиану манере, как и в тот миг, когда взгляды их встретились в первый раз.

– Милый, дорогой мой Ульдиссиан! – воскликнула юная красавица, простирая к нему изящные тонкие руки. – Иди же ко мне, обними меня, да покрепче...

Прежде, чем Ульдиссиан успел сообразить, что происходит, тело его само собой качнулось вперед. Раздосадованный, сын Диомеда затейливо выругался, чем немало позабавил себе-седницу.

– Какой красочный речевой оборот! Эту черту тебе, дорогой мой Ульдиссиан, следует пестовать, дорожить ею! Она добавляет своеобразия и...

Ульдиссиан сжал кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

– Довольно насмешек, Лилит! Довольно притворства! На это лицо прав у тебя не больше, чем на лица того жреца или Примаса! Явилась ко мне, так прими же собственный облик, демон!

Красавица-аристократка захихикала.

– Как пожелаешь, любовь моя!

Не в пример впечатляющему избавлению от тела жреца, превращение «Лилии» в истинную Лилит оказалось мгновенным. На миг прекрасную девушку благородных кровей окутала малиново-алая аура, а стоило вспышке угаснуть – и демонесса предстала перед Ульдиссианом в собственном, первозданном виде.

Лицом Лилит с «Лилией» были схожи настолько, что всякий без колебаний мог бы узнать в них одну и ту же особу, однако на сем их сходство и завершилось. Ростом Лилит не уступала Ульдиссиану, а ступни ей заменяла пара раздвоенных копыт. Темно-зеленое тело покрывала жуткая чешуя, золотистые волосы превратились в длинные иглы наподобие игл дикобраза. Иглы те, точно грива, тянулись вдоль спины книзу, до самого хвоста – змеиного хвоста с острыми, зазубренными шипами на кончике.

Пальцы рук... четыре, а не пять! – заканчивались кривыми когтями. Ладони дразняще вспорхнули к груди, напоминая, что пышные формы, некогда столь привлекавшие смертного, по-прежнему на своем месте. Мало этого, истинный облик лишь прибавлял им пышности, а между тем, к несчастью для Ульдиссиана, какой-либо одежды демонесса была лишена. Пусть и ненавидя Лилит всей душой, он невольно уставился на ее тело – вот каким она обладала могуществом!

Не сводящий глаз с устремившейся кверху ладони, Ульдиссиан поднял взгляд к лицу Лилит. Да, сходство с Лилией лицо демонессы все еще сохраняло, однако лишь в самых общих чертах. Ни острых, словно пила, клыков, ни лишенных зрачков огненно-красных глаз у Лилии, определено, не имелось...

– Я так соскучилась по твоим ласкам, милый, – прошептала Лилит, облизнув губы раздвоенным языком. – Знаю, знаю, ты тоже соскучился по моим...

Ульдиссиан понимал: она стремится притупить его бдительность, и, на беду его, к успеху очень, очень близка. Сам он даже не сознавал, как скажется на нем новая встреча, а вот Лилит, очевидно, знала это прекрасно.

Но тут Ульдиссиан вспомнил обо всех смертях, причиной коих послужили ее безумные амбиции, и желание разом ослабло. Для демонессы погубленные жизни – сущий пустяк. Нет ей никакого дела ни до отца Серентии, ни до мастера Итона с сыном, Седриком, ни до Барты, ни до любого из многих дюжин партанцев и тораджан, погибших за это время. Да что там – Лилит наверняка ни на йоту не сожалеет даже о пущенных на убой жрецах, включая сюда миссионеров, со зверского убийства которых и началась вся цепочка событий...

И уж тем более не сожалеет она о собственном брате, о настоящем Примасе. Яснее ясного: в его гибели она увидела только возможность подгрести под себя созданную им Церковь Трех со всеми ее силами. Однако ж, если Ульдисиан своего добьется, этой добычей ей радоваться недолго.

– Этот храм пал, Лилит, – объявил Ульдисиан. – Чего не разрушат пришедшие со мной, то уничтожит огонь пожаров, устроенных твоими марионетками. Та же участь постигнет и второй храм, и третий... пока на всем свете не останется только главный храм близ Кеджана. Ну, а тогда... тогда и с ним произойдет то же самое, так что Примасом тебе оставаться недолго.

– Неужто, дорогой мой Ульдисиан?

Хвост Лилит легонько застучал по полу, разметав в стороны прах главного из жрецов, а сама демонесса подалась вперед, являя взору все свои прелести.

– Неужто? Но... вот радость: это-то мне и нужно!

Измученный сей неожиданной вестью, Ульдисиан не сразу почувствовал, что происходит с его челюстью. Покраснев, он поспешил закрыть невольно разинутый рот и снова собраться с мыслями. Опять, опять Лилит всего парой слов доказала, что может вертеть им, как пожелает!

– Да, – широко улыбнувшись, продолжила искусительница, судя по блеску нечеловеческих глаз, откровенно наслаждавшаяся его замешательством. – Мне хочется, чтоб ты покончил с Церковью Трех! Мне хочется, чтоб ты сровнял с землей этот храм...

– Но... но какой в этом смысл? – только и смог промямлить Ульдисиан. – Ведь теперь Церковь Трех в твоей власти...

– О-о, смысл в этом, любовь моя, самый прямой! Самый прямой! Видишь, как я люблю тебя? Я раскрываю тебе то, о чем знать не знают даже верные слуги моего недоброй памяти брата! Да, маленький мой *нефалем*... ты у меня *уничтожишь* и Церковь... и Собор Света...

«Но если Лилит от меня что-то нужно, – в отчаянии подумал Ульдисиан, – то рассказать об этом – *вернейший* способ внушить мне желание поступить в точности наоборот...»

Может статься, Лилит (что для нее в том невозможного?) прочла эту мысль, а может, просто понимала ход рассуждений Диомедова сына лучше него самого.

– О нет, дорогой мой Ульдисиан! В этом вопросе *у тебя* выбора *нет*! Видишь ли, если ты не постараться в полной мере пробудить к жизни свои силы нефалема – и заодно силы, таящиеся в глупцах, что следуют за тобой, послушная мне Церковь Трех тебя просто растопчет! Думаешь, это все, что сумел собрать вокруг себя мой несчастный братец? Нет, Церковь много, *много* сильнее, ведь брат был отнюдь не глуп! В одном лишь ошибся – меня недооценил...

Внезапно Лилит оказалась с Ульдисианом нос к носу. Каким образом удалось ей подблизиться столь близко так, чтобы он не заметил, для Ульдисиана осталось загадкой.

– Точно так же, как все это время недооценивал меня ты, милый мой!

Прежде, чем Ульдисиан успел воспротивиться, демонесса звучно поцеловала его. Прodelку эту она пускала в ход не впервые, так что ему следовало быть к ней готовым. Злясь на себя с тем же пылом, с каким ненавидел Лилит, Ульдисиан хотел было схватить демонессу, но та ловко увернулась от его рук.

– Не бывать по-твоему, будь ты проклята! – прорычал он. – Не играть тебе со мной больше, как с куклой! И воинства нефалемов, готового к исполнению любых твоих прихотей, я создавать не стану, так и заруби на носу!

Да, именно этого ей и хотелось бы, уж тут никаких сомнений быть не могло. Одна из творцов Санктуария, за душегубство, в том числе за убийство сподвижников, прочих создателей мира, Лилит была изгнана из его пределов собственным же возлюбленным... ангелом, если ей хоть в чем-нибудь можно верить. Причина совершенных ею убийств заключалась в «чадах», в первых из нефалемов, порожденных союзом мятежных демонов с ангелами. Да, отдать должное стремлению Лилит спасти их Ульдисиан вполне мог, но теперь все их потомки, очевидно,

сделались для нее лишь пушечным мясом, солдатами, обреченными на убой в угоду ее безумной жажде мщения.

– Не станешь? – глумливо переспросила демонесса, отступая назад. – Значит, не станешь, любимый? Так отчего же ты все еще не атакуешь?

Опять. Опять Лилит подловила его...

«Ну, уж это – в *последний раз*», – поклялся Ульдиссиан, протянув в ее сторону руку.

Воздух вокруг демонессы подернулся рябью... и Лилит не оказалось на прежнем месте. Теперь Ульдиссиан чуял ее за спиной.

– Гораздо лучше, милый мой Ульдиссиан... гораздо лучше.

Не оборачиваясь, Ульдиссиан сосредоточил волю на ней...

Но опять опоздал.

Голос Лилит эхом разнесся под сводами зала, хотя самой ее и след простыл.

– Однако, по-моему, тебе нужно еще немножко поупражняться! Ведь в схватке с силами Церкви Трех, не говоря уж о милом, вероломном *Инарши*, ты должен показать все, на что только способен!

Как ни старался Ульдиссиан, как ни напрягался, а Лилит отыскать не сумел. Тут-то сын Диомеда и понял, чего стоит вся его мощь. С Лилит он рассчитывал справиться без особых трудов, но демонесса опять – в который уж раз! – великолепно сыграла и на его чувствах, и на велениях тела.

– Иди же сюда, Лилит! Иди же сюда, покажись! – заорал Ульдиссиан, озираясь кругом, ища демонессу в каждом темном углу, но не находя ничего, совсем ничего, слыша лишь ее голос, доносящийся откуда-то из дальней дали.

– Все в свое время, любовь моя. Вначале чуточку поупражняйся. К примеру, ты еще можешь спасти кого-либо из *друзей*! Их ведь осталось так мало...

На этом голос Лилит затих. Охваченный злостью, Ульдиссиан не сразу уловил суть последнего ее замечания, но вдруг... Но вдруг снаружи повеяло страшной опасностью, до сей минуты, очевидно, сокрытой ухищрениями Лилит от его «недожиданного» чутья.

Вместо того чтоб беречь от беды Мендельна, Серентию и остальных, он оставил их всех там, где демонессе и требовалось...

Глава третья

Тем временем в неведомом месте, вполне настоящем, и в то же время несуществующем, некто, с головы до ног укутанный в черное, взирал за пределы окружавшей его пустоты, наблюдая за миром, зовущимся среди немногих сведущих Санктуарием. Глядя на кровопролитную битву, охватившую город под названием Тораджа, он размышлял о возможных ее последствиях.

– Слишком уж быстро он действует, – сказал в пустоту неизвестный. – Слишком уж неразумно...

– *Он делает то, что должен... Как и мы...*

Этот голос заставил бы замереть сердца многих, ибо являл собою отнюдь не только колебания воздуха, однако тот, к кому был обращен ответ, всего лишь согласно кивнул. Говорящего он знал так давно, что привык даже к его своеобразности.

В той же мере, сверх меры привычными сделались для него и поражения, и больше терпеть их он не желал. Поражения грозили нарушением Равновесия, и посему в эту минуту он, веками учившийся контролировать эмоции и во что бы то ни стало сохранять на подобном мраморному изваянию лице безмятежность, медленно, мрачно нахмурил брови.

– Тогда... тогда нам нужно взяться за дело активнее...

Не успел отзвучать его голос, как в вышине вспыхнуло, засияло нечто, подобное россыпи звезд. Однако «звезды» те, придя в движение, мало-помалу, подобно созвездию, обозначили в темноте контуры исполинского змея, создания наполовину зримого, наполовину воображаемого... а для большинства – попросту сказочного.

Дракона...

– *Еще активнее? Разве инициации его родного брата мало?* – с явной иронией в голосе осведомились звезды.

– Мало, – упрямо ответил некто, укутанный в черное, – пусть даже Мендельн уль-Диомед далеко превзошел мои ожидания. Еще немного, и я мог бы поклясться, что он...

– *Прямой твой потомок, да... а заодно это объяснило бы, отчего она выбрала для своих целей старшего. Ты же почувствовал дремлющие в них силы? Вот и она – тоже.*

– Ты прав, мать моя не почувствовать их не могла, – нахмурившись пуще прежнего, согласился некто в черных одеждах. – Если так, может статься, известно о них и отцу.

Сонм звезд всколыхнулся, взвихрился, на миг утратив сходство с легендарным зверем.

– *О коем мы давненько уж не имели вестей...*

Некто в черном кивнул, вновь сосредоточив внимание на Санктуарии.

– Да, и это тревожит меня сильнее всего остального.

– *И не напрасно,* – подтвердили звезды, вновь начертав в вышине контуры исполинского змея. – *Да... как ты и сказал... действовать нужно активнее...*

Поплотней запахнувшись в необъятный плащ, некто, сокрывший лицо под капюшоном, приготовился уходить.

– Нужно, как я и сказал, – пробормотал он, обращаясь не столько к едва различимому над головой собеседнику, сколько к себе самому. – Нужно, пусть даже мать с отцом прознают, что я остался в живых...

* * *

Мендельн приготовился к смерти. Провожая взглядом опускавшийся на него сверху молот, он понимал: чтоб увернуться, никакого проворства не хватит. Каких-либо слов из чужого языка, что начал изучать он в видениях, в голову не приходило тоже. Выходит, гибели под сокрушительным ударом молота не миновать? Как ни старался он отнестись к этой мысли с той же отстраненностью, с какой в последнее время встретил немало других судьбоносных моментов, на сердце сделалось невыносимо горько. Не такой, не такой полагал Мендельн уготованную ему участь...

Тут кто-то врезался в него сбоку, и оба они кубарем откатились в сторону за миг до того, как Диалонов молот с грохотом обрушился на мраморный пол, образовав трещину из битого камня длиной более полудюжины ярдов.

– В следующий раз не спи, пошевеливайся, – прошептала в самое ухо Мендельну Серентия.

С этим она, не дожидаясь от брата Ульдисиана хоть какой-нибудь благодарности, вскочила на ноги... и вовсе не зря. Изваяние Диалона обернулось к ней. Казалось, статуя, как ни непроницаем ее лик, гневается на Серентию, оставившую ее без добычи.

Прицелившись, Серентия с невероятной меткостью, сообщенной ей внутренней силой, метнула в Диалона копье. Копье пробило грудь великана навывлет, в точности так же, как посланная Ульдисианом стрела – грудь жреца.

Поначалу Мендельн решил, что подвиг Кировой дочери пропал зря: пробоины в туловище Диалон словно бы не заметил. В конце концов, он был всего лишь ожившей каменной статуей...

Но тут от дыры во все стороны зазмеились тонкие трещинки, быстро опутавшие мраморного истукана с головы до ног, наподобие паутины. Стоило изваянию взмахнуть молотом, на пол посыпались осколки камня.

Серентия закричала, предостерегая товарищей, находившихся близ Диалона. Те подались назад – и как раз вовремя: именно в этот миг ладонь, сжимавшая смертоносное оружие, решила распрощаться с запястьем. Провожаемое взглядами всех, включая сюда саму статую, и то и другое, обрушившись на пол, брызнуло в стороны, разлетелось по залу каменным крошечкам.

Едва Диалон лишился руки, ее примеру последовали все остальные конечности. Неудержимо, точно вода из отворенной запруды, обломки каменного великана лавиной хлынули вниз. Стоило изваянию, склонив голову, взглянуть на рассыпающееся тело, шея его треснула тоже.

Голова Диалона с грохотом рухнула к ногам Мендельна и Серентии, и в следующий миг ее завалило грудой обломков того, что оставалось от статуи.

Однако теперь атакующим предстояло отбиться еще от пары гигантов – от пары гигантов, что бешено металась по залу в погоне за крохотными в сравнении с ними людьми. Но, оглядевшись, Мендельн возблагодарил пекущиеся о людях высшие силы: после расправы над первыми жертвами новых успехов истуканам, невзирая на все их старания, добиться не удалось. Этому младший из сыновей Диомеда дивился до тех пор, пока не увидел, как рука Мефиса отлетает прочь, словно наткнувшись на незримую преграду, защитившую от удара Рома, окруженного горсткой партизанцев и тораджан. Казалось, бородатый партизнец – разбойник, обращенный Ульдисианом к праведной жизни – возглавляет этот отряд. Не сводя глаз с грозного противника,

Ром будто подначивал его: попробуй, дескать, прорвись... и, вполне вероятно, Мефису это еще удастся.

Подумав так, Мендельн решил, что и ему самое время вступить в бой вместо того, чтоб стоять и глазеть, как остальные бьются, защищая собственную жизнь. Пожалуй, ниспосланный ему сумрачный дар здесь тоже на что-нибудь да сгодится...

И тут, наконец, из глубин памяти всплыли слова того самого древнего языка, что впервые попался ему на глаза в виде знаков на камне, недалеко от Серама. Очевидно, именно эти слова сейчас следовало произнести, и посему Ульдисианов брат так и сделал.

Сжав кулаки, статуя замолотила по незримой преграде, но первая же пара ударов отшвырнула гиганта прочь. Огромное тело треснуло во многих местах, осколки камня посыпались на пол, как будто некто невидимый ударил по изваянию с той же силой, какую оно само обрушило на Ромов отряд.

На губах Мендельна мелькнула тень довольной улыбки. Ничуть не обескураженный полученным уроном, Мефис возобновил натиск. Каждый новый удар статуи стоил ей новых и новых повреждений, однако, подхлестываемый неведомой темной силой, каменный исполин не унимался. Где ему было понять, что волшебство, неведь откуда известное Мендельну, превратило его в орудие собственного же разрушения?

А вот Ром, не в пример ему, очевидно, все понял. Понял и знаком велел остальным сохранять спокойствие и ждать, чем кончится дело. Силой статуя Мефиса обладала немалой, и вся эта невообразимая мощь, обращенная против хозяина, быстро привела великана в самое плачевное состояние. И вот, наконец, со всех сторон окруженный скопившейся под ногами грудой обломков, Мефис тоже упал.

На ногах остался лишь Бала... вернее сказать, остался бы, да только третья из исполинских статуй внезапно застыла на месте. Склонившаяся вперед, дабы одним взмахом скрижалей поразить сразу троих тораджан, мраморная фигура в длинных одеждах покачнулась и опрокинулась на пол. Вот только упал Бала совсем не в ту сторону, куда накренился. Вопреки силе тяжести, увлекавшей огромное изваяние вперед, на головы намеченных жертв, вопреки всякому здравому смыслу, каменный великан завалился *назад*.

Причина его столь внезапной, столь необычной гибели сделалась очевидна лишь после того, как статуя разбилась об пол в мелкие дребезги. За необъятной кучей каменного щебня, с виду еще более мрачный, чем Мендельн, стоял Ульдисиан. Стоило ему сделать шаг вперед, путь перед ним немедля расчистился.

Выражение на лице старшего брата пришлось Мендельну вовсе не по душе. Серентии он о том, что Ульдисиана ждет схватка не просто с парочкой демонов, а с самой Лилит, не сказал. Узнав о том, дочь торговца непременно помчалась бы вперед еще быстрее бывшего возлюбленного демонессы. В конце концов, в смерти Ахилия Лилит была виновата не менее – если не более, – чем Люцион. Люцион просто нанес роковой удар, а вовлекла их во все это она, Лилит.

Лилит, память о коей, несомненно, будет терзать Ульдисианову душу до самой смерти.

Брат Мендельна окинул сумрачным взглядом тела погубленных статуями.

– Будь она проклята...

По счастью, Серентия поспешила на помощь одному из раненых, и, таким образом, у братьев появилась минутка, чтобы посоветоваться.

– Ничего не решилось? – отважился предположить Мендельн.

– Ничего, – откликнулся Ульдисиан, не сводя глаз с погибших. – Как же их много...

От замечаний по сему поводу младший из братьев предпочел воздержаться. Он понимал: его новые воззрения касательно смерти Ульдисиану далеко не всегда по нутру.

Храм содрогнулся от грохота сродни громовому раскату невероятной силы. Ульдисиан поднял взгляд к потолку, и лицо его закаменело, помрачнело сильнее прежнего.

– Пожары и прочие разрушения берут свое. Храм вот-вот рухнет, – сказал старший из сыновей Диомеда, огибая Мендельна. – Уходим, живо! – крикнул он остальным. – Здесь наше дело сделано!

Никто из уцелевших – вот какой вес имело для них слово Ульдиссиана! – не замешкался ни на миг. Мертвых оставили лежать, где лежат. Нет вовсе не потому, что сразу о них позабыли – просто живые знали: без веской на то причины их предводитель такой приказ не отдаст. Кое-кто поволок к выходу раненых: ведь позже Ульдиссиан наверняка попробует их исцелить.

Мендельн вновь перевел взгляд на брата... и пытливым глаз юного книжника тут же приметил внезапное напряжение в его лице.

– Ульдиссиан...

– Я же сказал: отсюда нужно убраться, да поживее.

Голос Ульдиссиана звучал по-прежнему ровно, но кровеносная жила на шее брата вздулась, затрепетала.

Вокруг вновь загремело, но на сей раз гораздо глуше. Жила на шее Ульдиссиана забилась сильнее.

– Что ж, ладно, – как можно спокойнее ответил Мендельн. – Вот только двери-то заперты...

– Нет. Больше не заперты.

В правоте брата Мендельн ничуть не сомневался, и, разумеется, едва бросив взгляд в сторону выхода, увидел, как двери сами собой распахиваются перед первым же сторонником Ульдиссиана, приблизившимся к порогу. Остальные приняли все это как должное. Каждый непоколебимо верил: Ульдиссиан вытащит их из любой передрыги.

– Скорей же... скорей, – вполголоса прорычал старший из сыновей Диомеда.

Мендельн кивнул и ускорил шаг.

– Не мешкайте! – крикнул он прочим. – Держитесь начеку, но шагайте живее!

Серентия, шедшая поодаль, оглянулась. Судя по брошенному на Мендельна взгляду, она понимала, в чем дело, и, по примеру Ульдиссианова брата, принялась исподволь поторапливать остальных.

Храм вздрогнул от нового грохота. По стенам, по потолку зазмеились трещины, однако кладка держалась, и держалась неплохо. Устилавшие пол обломки являли собой итог завершившихся схваток.

Стоило Мендельну приблизиться к выходу, навстречу, в лицо, повеяло теплым ночным ветерком. Сознавая, что угрожает отряду, он вел счет шагам, будто каждый из них важен не меньше биения сердца. Да, велеть остальным бежать, спастись, пока не поздно, было бы проще всего, но суматошное бегство только наделает еще больше бед...

Снаружи полыхали пожары. В отсветах жуткого зарева Мендельн сумел разглядеть кое-какие другие кварталы Тораджи. Явственнее всего видны были ряды деревьев вдоль улиц. В их кронах обитали «серка» – крохотные обезьянки, весьма почитаемые среди горожан. Среди деревьев виднелись высокие округлые здания с резными колоннами в виде могучих зверей, стоящих один на другом. Резьба была выполнена столь искусно, что Мендельну показалось, будто кое-кто из зверей смотрит на окружающий их огонь с очевидной тревогой. Правду сказать, от пожара окрестности храма было уже не спасти, да Ульдиссиан о том и не заботился. Серка давным-давно разбежались, а все прочее здесь несло на себе клеймо Церкви Трех.

Объединенные силы партизанцев и тораджан высыпали наружу и устремились прочь с храмовых земель. Тут Мендельн, наконец, оглянулся назад, на огромное здание.

Только его глаз и мог различить в темноте непрестанную дрожь. К этому времени огонь охватил большую часть крыши, фасад здания (как, несомненно, и все прочие стены) украсился множеством трещин. Несколько колонн вдалеке попадали наземь, переломившиеся пополам, в фундаменте с западной стороны зияла жуткая брешь.

«Да ведь храм давным-давно должен был рухнуть, – сообразил Мендельн. – Рухнуть прямо нам на головы...»

Однако храм не рушился, и единственной тому причиной был человек, с напряженным, закаменевшим лицом шедший рядом. По лбу Ульдисиана градом катился пот, дышал он шумно, прерывисто, а на ходу то и дело косился по сторонам, как будто стремясь сосчитать сподвижников.

– Внутри никого не осталось, – заверил его Мендельн. – Точнее сказать, никого из живых. Даже последние из местной братии сбежали.

– В дж... джунгли... если только хоть что-то... соображают, – с великим трудом проскрежетал Ульдисиан и остановился – очевидно, затем, чтоб оценить положение.

– Можешь отпускать. Никто не пострадает, – негромко сказал ему брат.

Кивнув, Ульдисиан шумно перевел дух.

С жутким грохотом, со скрежетом камня о камень тораджский храм осел и развалился окончательно. Огромные глыбы тесаного мрамора завалили внутренний двор. Подстегнутое свежим воздухом, пламя пожаров взъярилось, взвилось к ночным небесам. Странники Ульдисиана заахали. Ром изумленно выругался.

Увесистые осколки мрамора сыпались наземь градом, но рядом с воинством Ульдисиана не упал ни один: брат Мендельна продолжал сдерживать разрушения.

Мало-помалу великое бедствие обернулось бедой вполне заурядной. Пожары горели по-прежнему, но, окруженные кольцом развалин, распространиться дальше уже не могли, и Мендельн прекрасно знал: это, опять-таки, не случайность.

Ульдисиан устремил взгляд вперед, за спину Мендельна, и младший из братьев в тот же миг почувствовал, что происходит там, позади. Едва он обернулся, все остальные тоже заметили толпы народа, заполнившие окрестные улицы. Путь Ульдисиану с учениками преграждало большинство не пострадавших жителей Тораджи, и всеми ими, по наблюдениям Мендельна, владели самые разные чувства.

Из толпы властной поступью выдвинулся вперед человек в пышных, алых с золотом одеяниях. Серебро его длинных, стянутых в косу седин покрывал головной платок, ноздрю украшало золотое, изящной работы кольцо в форме лучистого солнца – знак весьма и весьма высокого положения. Долговязый, худой, по летам человек этот годился братьям в отцы. В левой руке он сжимал длинный посох, сверху донизу испещренный чеканными серебряными письменами.

– Я ищу чужестранца из верхних земель, асценийца по имени Ульдисиан.

«Асценийцами», как отряд Мендельна выяснил ранее, народ джунглей звал бледнолицых обитателей земель наподобие Серама и Парты. Истинного значения этого слова не помнили даже местные, попросту обозначавшие им всех, кто схож с Диомедовыми сыновьями цветом кожи и внешностью.

Ульдисиан откликнулся без колебаний, хотя кое-кто из новообращенных шумно запротестовал. Их страхи за предводителя были вполне оправданны: помимо облаченных в кожаные доспехи солдат, примеченных Мендельном среди выступивших навстречу, поблизости, определенно, имелись и представители кланов магов. Впрочем, на глаза они не показывались: даже зная, что они здесь, никого похожего на могучих заклинателей, Мендельн в толпе разглядеть не сумел. Очевидно, магам хватало своих внутренних дел, а Ульдисиан пресыщенным повелителям Кеджана проблемой пока не казался.

Однако Мендельн подозревал, что после сегодняшней ночи им придется пересмотреть свою позицию на этот счет.

– Ульдисиан, сын Диомеда, перед тобой и безоружен, – с той же почтительной церемонностью отозвался Мендельнов брат.

Старик кивнул.

– Я – Раонет, глава городского совета Тораджи. Представитель жителей города...

Тут он, заметив среди сторонников Ульдиссиана множество смуглых лиц, слегка запнулся, однако быстро оправился.

– Но, очевидно, не всех, – продолжал он. – Среди тех, кто идет за тобой, асцениец, немало людей мне знакомых, чем я весьма удивлен. Удивлен и встревожен. До меня дошла весть, будто речами твоими заинтересовались лишь низшие касты, и будто ты обещал им богатства тех, чье положение значительно выше...

– Я всем обещаю только одно, – перебил его Ульдиссиан, и в голосе брата Мендельн почувствовал всего лишь намек на гнев в адрес тех, кто донес до главы городского совета подобные «вести». – Возможность стать теми, кем нам предназначено быть, – возможность, не зависящую от происхождения! Владыка Раонет, я предлагаю то, чего не добиться самим королям! Предлагаю любому, кто попросту согласится меня выслушать! Я предлагаю всем то, чего никогда не пожелают для своих прихожан ни Церковь Трех, ни Собор Света... свободу от их полновластия!

Раонет вновь кивнул и поджал тонкие губы. Очевидно, услышанное ему не то, чтоб однозначно понравилось, но и однозначного неодобрения не внушило.

– В последние ночи Церковь Трех обвиняли в немыслимых преступлениях, наименьшее из коих слишком ужасно, чтобы объявить о нем здесь, принародно, асцениец! Вдобавок, имеются у меня и подтверждения тому, что ты угрожаешь жизням людей, состоящих на моем попечении...

– Тебе нужны новые доказательства преступных деяний Церкви Трех, глава городского совета? Они – там, под развалинами, в целостности, несмотря на обвал.

Тут на лице владыки Раонета впервые отразились сомнения. Мендельн тоже был здорово впечатлен. Если понимать слова брата так же, как местный правитель, выходит, что Ульдиссиан, хоть и позволил храму обрушиться, а внутренние покои от множества тонн битого камня уберег. Поразительный, невиданный подвиг... и, кажется, совершен он был даром.

– Возможно, так оно и есть, – помолчав, продолжал Раонет. – Но обвинений с тебя, Ульдиссиан, сын Диомеда, все это само по себе не снимает.

– Ульдиссиан не злодей! – раздался сзади голос, очень похожий на голос Рома.

Из темноты вылетело нечто увесистое, нацеленное во владыку Раонета – прямо в ничем не прикрытый лоб. Глава городского совета только и успел, что замереть, в изумлении разинув рот...

Однако за миг до того, как раскроить ему череп, снаряд упал наземь, к его ногам, точно отраженный какой-то незримой преградой.

– Прошу простить меня, повелитель, – с безмерной усталостью в голосе пробормотал Ульдиссиан.

Импровизированный снаряд – острый, величиной с яблоко осколок одного из углов храма – рассыпался, обернувшись кучкой невесомого пепла у самых носков сандалий почтенного старца.

– Во имя... – начал было старик, но сразу же прикусил язык.

Следовало полагать, он, подобно множеству тораджан, собирался воззвать к Трем... к Мефису, Бале и Диалону, однако исключительно по привычке. Ни единой крупинки тьмы, при-
сущей *истинным* адептам Церкви Трех, Мендельн в главе городского совета не чувствовал. Подобно многим другим, Раонет был всего лишь ни в чем не повинной жертвой обмана...

– Прошу простить меня, – повторил Ульдиссиан и повернулся к последователям.

Взгляд брата скользнул разом по всей толпе, но Мендельн нимало не сомневался: тот, кто воспользовался полученным даром, дабы швырнуть в Раонета камнем, сейчас чувствует себя так, будто все внимание Ульдиссиана сосредоточено только на нем одном.

– Пусть это больше не повторится, – продолжил старший из Диомедовых сыновей. – Дар наш совсем не для того. Биться за правду – да, биться за право быть теми, кем нам суждено быть – да, но не для кровопролития и душегубства... иначе чем мы с вами лучше Церкви Трех?

С этим он вновь повернулся к главе городского совета, только теперь оторвавшего взгляд от кучки пепла у ног. К чести владыки Раонета, минутное замешательство, овладевшее им перед лицом неминуемой гибели, вновь уступило место твердой решимости защитить свой город и свой народ.

Но Ульдиссиан заговорил прежде, чем он успел вымолвить хоть слово.

– Мы покидаем Тораджу, владыка. Остаток ночи проведем, встав лагерем за стенами города, а завтра уйдем. Пришел я сюда, чтоб нести людям добро, однако добру этому сопутствует то, что оба мы полагаем отвратительным. Такого я не хочу... такого я совсем, совсем не хочу.

Глава городского совета слегка склонил голову.

– С тобой, асцениец, мне не совладать. За то, что ты покидаешь Тораджу, не чиня разрушений сверх тех, что учинил этой ночью... я могу лишь возблагодарить звезды. Оружия на тебя и тех, кто решил идти за тобой, ни один из солдат не поднимет, не то будет держать ответ передо мной. Кровопролития я больше не потерплю.

– И еще одно, владыка Раонет.

Старик заметно насторожился.

– Церкви Трех здесь больше нет. Если она снова взрастет в Торадже, подобно сорной траве... я вернусь.

И вновь Раонет сурово поджал губы.

– Если зло сие таково, как ты говоришь, этот сорняк я дочиста выполю из тораджской земли собственными руками.

Этим брат Мендельна остался вполне доволен. Не глядя на соратников, Ульдиссиан попросту двинулся к владыке Раонету, а остальные, в свой черед, хлынули следом за ним. Куда более многочисленная, толпа за спиной главы городского совета поспешно раздалась в стороны, не сводя глаз с идущих мимо, некогда – друзей, соседей, родных. В сотнях взглядов, на сотнях лиц отражались самые разные чувства, а тораджане, следовавшие за Ульдиссианом, взирали на соотечественников не менее пристально, однако их лица сияли уверенностью, непоколебимой целеустремленностью новообращенных. Упрекнуть их в неверном выборе и в голову бы никому не пришло.

Когда Ульдиссиан поравнялся с главой городского совета, Раонет вновь склонил голову, и сын Диомеда кивнул старику в ответ. Оба хранили молчание: слов здесь больше не требовалось. На ходу Мендельн исподволь пригляделся к предводителю тораджан. Да, Раонет был персоной весьма, весьма интересной: тени умерших так и клубились вокруг него, но кто это, родные, или враги – разбираться в том не было ни времени, ни нужды. Главное – их количество, свидетельство недюжинной силы воли и личного обаяния. Следовало полагать, согласившись по примеру множества горожан принять сокрытый в нем дар, Раонет быстро сделался бы одним из самых многообещающих среди Ульдиссиановых учеников.

«Однако с нами он не пошел... и это, пожалуй, к лучшему, – рассудил младший из Диомедовых сыновей. – Привыкший к первенству, Раонет вряд ли смирился бы с необходимостью повиноваться».

Толпа впереди расступалась и расступалась. Единства чувств не было даже среди солдат: одни смотрели на идущих с откровенным недоверием, другие – с огромным любопытством.

«Число наше будет расти, – вдруг осенило Мендельна, да и Ульдиссиан это тоже, скорее всего, понимал. – Число наше вырастет еще до того, как эти толпы останутся позади. А за ночь наверняка еще многие выскользнут из города и присоединятся к лагерю за городской стеной».

Следовало полагать, все понесенные сегодня потери не просто восполнятся – восполнятся десятикратно.

– Сколько же их, – пробормотал Мендельн.

– Да... сколько же их, – откликнулся Ульдиссиан.

В эту минуту братья, сколь бы ни изменился каждый, понимали друг друга с полуслова. Видя, как идет в рост начатое Ульдиссианом, оба сознавали: каждый новый день приведет в их ряды еще многих и многих.

Сознавали оба и то, что всех этих новых живых душ вполне может оказаться мало... что все, кто идет за ними сейчас, и все, кто примкнет к ним после, в итоге могут просто *погибнуть*.

Глава четвертая

Видимых глазу изъянов Пророк не имел – ни единого. Приверженцам он казался невообразимо юным, однако ж мудростью речей превосходил любого из древних мыслителей. Голос его звучал, точно нежная музыка. Лицо юноши, едва-едва распрощавшегося с порой детства, не оскверняло ни единой щетинки. Удостоившиеся увидеть его вблизи неизменно сохраняли в памяти его милovidные, граничащие с прекрасным черты, однако описывали их всяк по-своему, сообразно собственным вкусам. Сходились все на одном – на том, что кудри Пророка, волнами ниспадавшие много ниже плеч, золотятся, точно само солнце, а глаза сияют небесной синью пополам с серебром.

Телом Пророк был гибок и мускулист, под стать акробату или танцору. Двигался он с изяществом, недоступным самой гибкой из кошек, носил белые с серебром ризы Собора Света, а обувался в сандалии.

Только что окончивший проповедь, в эту минуту Пророк возвышался во всем своем великолепии над более чем тремя тысячами паломников. За спиной его хор из сотен двух певиц – каждая совершенна лицом и фигурой, насколько это возможно для человека – пел завершающий службу гимн, а прихожане, как всегда, замерли в немом восхищении. Храмы у секты имелись повсюду, но в главный собор, что к северу от столицы, вдобавок к местным прихожанам, постоянно стекались новоприбывшие. В конце концов, именно здесь жил сам Пророк. Именно здесь любой мог услышать слова его собственными ушами.

«А вот это необходимо исправить, – думал Пророк, принимая поклонение паствы. – Слышать меня собственными ушами должен каждый. Скажем, посредством какой-нибудь сферы, в час проповеди поднимаемой жрецами всех храмов повыше над головой...»

Но эту идею он приберет до другого раза: сейчас его куда больше интересовали иные материи, безмерно далекие от храмовых дел.

Смертный по имени Ульдиссиан уль-Диомед и его разношерстное воинство снова двинулись в путь.

Длинные золотые рога затрубили, возвещая его уход с возвышения, и хор плавно, не сбившись ни на единой ноте, завел новую песнь – прощальную. Певицы – дочери всех каст, всех рас, какие только сыщешь на свете, лучились столь единообразным, столь гармоничным счастьем, что отличить их друг от дружки стоило превеликих трудов.

У подножия возвышения Пророка встречали двое из высших священнослужителей – Гамуэль и Орис. Волосы Орис были собраны в пучок на затылке, и, хотя с виду она годилась Пророку в бабки, округлое лицо ее сияло нескрываемой пылкой любовью. Пророк ясно видел: некогда это лицо вполне могло соперничать красою черт с лицом любой из юных хористок, но как и в их случае, никакого интереса к жрице он не питал сейчас и не питал бы прежде. Мужская краса наподобие той, какой отличался могучий Гамуэль, его, разумеется, тоже немало не привлекала. Нет, нет, пробудить его страсть удавалось лишь одному живому созданию, лишь одной особи... одной особи, ныне ему ненавистной.

– Захватывающе, великолепно, как и всегда, – проворковала Орис.

Несмотря на манеру держаться при нем, жрица была одной из самых толковых его служителей. Кроме того, ее восхищение Пророком вряд ли заслуживало порицания: ведь она всего-навсего смертная, тогда как он – нечто гораздо, гораздо большее.

– Сколь ни ужасно, сколь ни излишне повторять ее похвалы, о великий, боюсь, я вынужден вновь с ней согласиться! – с низким поклоном добавил Гамуэль.

Некогда – воин, он в полтора раза превосходил господина шириной плеч, однако всякий с первого взгляда понял бы, кто из двоих сильнее. Высокого положения Гамуэль был удостоен за то, что сей смертный, пусть в самой отдаленной манере, более всех остальных напоминал истинную сущность, истинное «я» Пророка.

– В самом деле, получилось неплохо, – признал их господин.

По меркам жрецов каждая его речь являла собою само совершенство, но сейчас даже он вынужден был признать: сегодняшняя проповедь удалась ему чуточку лучше большинства прежних. Возможно, причиной тому послужили недавние перемены: привычное положение дел вдруг изменилось до неузнаваемости. Сказать откровенно, это и приводило в ярость... и в то же время *прельщало*, ввергало в соблазн.

– А как изменилось настроение, когда речь зашла о Церкви Трех, – продолжала Орис, брезгливо сморщившись при последних словах. – Ходят слухи, будто с недавнего времени на них ополчился какой-то фанатик из асценийских краев.

– Да, а зовут его Ульдиссианом уль-Диомедом. В Торадже он нанес Церкви немалый урон. Полагаю, в самом скором времени нас известят об этом официально.

Особого удивления его осведомленность ни одному из жрецов не внушила. Оба состояли при нем с давних пор и знали: Пророку ведомо то, чего им даже не вообразить. Однако он неизменно требовал от них доклада обо всех новостях – хотя бы просто так, для проформы. В конце концов, как ни малы на то шансы, *что-нибудь* могло ускользнуть и от его взора.

– Так близко, – покачал головой Гамуэль. – А не намерен ли этот... этот Ульдиссиан... объявить войну и Собору?

– Вполне возможно, сын мой.

– Тогда нам следовало бы выступить против него...

Пророк одарил жреца взглядом, каким добрый отец мог бы пожаловать наивного, однако любимого сына.

– О нет, добрый мой Гамуэль, нам следует *поддержать* его.

– Святейший?..

Ни слова более не говоря, Пророк отвернулся от высочайших из своих присных и направился к личным покоям. Следом за ним не пошел никто: сиятельный повелитель Собора Света настрого запрещал служителям являться к нему незванными и оставаться при нем без его повеления. Вопросов сия причуда не вызывала ни у кого: слишком уж все вокруг были очарованы его богоподобием.

В угоду церемониалу, а также ради спокойствия присных, у двустворчатых дверей, украшенных затейливой резьбой, несли караул воины в латах и шлемах. При виде приближающегося Пророка все шестеро замерли, точно статуи.

– Ступайте с миром, – сказал им Пророк. – На сегодняшний вечер вы от службы свободны.

Начальник караула немедля пал на колени.

– О святейший, нам не положено покидать пост! Твоя жизнь...

– Разве поблизости есть те, кто в силах ей угрожать? Разве поблизости есть хоть кто-нибудь, кого *мне* следует опасаться?

С этим стражники спорить никак не могли. Все они знали: силы Пророка невообразимы. С любой напастью Пророк мог справиться куда лучше них. Да, караульные прекрасно пони-

мали, что службу здесь несут только для видимости, однако из преданности господину всякий раз уходили с поста неохотно.

– Ступайте и будьте благословенны, – провозгласил лучезарный юноша, одарив стражников благосклонной улыбкой, дабы те не задерживались. – Ступайте и помните: каждый из вас – в сердце моем...

Раскрасневшиеся от гордости, караульные пусть нехотя, но повиновались. Даже не оглянувшись им вслед, Пророк подошел к дверям, створки коих сами собой распахнулись и накрепко затворились, как только он переступил порог.

Роскошные во всем остальном, мебелировкой покои Пророка отнюдь не изобиловали. Спал он, как полагали приверженцы (точнее, те из приверженцев, кто допускал, что Пророк хоть когда-либо спит), на невысокой тахте, обитой бархатом. За тахтой возвышалось с полдюжины суженных кверху мраморных пьедесталов, увенчанных весьма завидной коллекцией изысканных ваз и стеклянной скульптуры со всех уголков Санктуария. Стены были увешаны гирляндами из свежих цветов, а большую часть сверкавшего мрамором пола устлали трапезиевидные, весьма искусной работы узорчатые ковры. Кроме гирлянд, на стенах висели картины, изображающие красу природы любых мыслимых стран, и каждый пейзаж был описан самым разным мастерам кисти *лично* златоволосым хозяином.

Но то, что почиталось среди немногих удостоенных чести входить в святая святых Пророка наиглавнейшим, находилось над головой. Свод потолка от края до края покрывала необъятная фреска, и сколько же на ней изображено было разных чудес! Существа, якобы живущие только в легендах, пейзажи словно из волшебных сказок, а самое главное – сонмы во всех подробностях выписанных бесплотных, богоподобных созданий, парящих над всем этим великолепием при помощи огромных, покрытых перьями крыльев, растущих за спиной, от самых плеч. Кто в женском образе, кто в мужском, все они были облачены в невесомые полупрозрачные ризы, а чертам лиц их могли позавидовать прекраснейшие из принцесс и самые неотразимые принцы. Вдобавок, внимательным зрителям сразу же становилось очевидно: они – не просто часть общей картины, именно они ее и *создают*.

Все это были ангелы – по крайней мере, такие, какими изображают их люди.

Мудрый, многое ведающий, Пророк оценил недюжинность достижения живописца весьма высоко, но, по большому счету, достиг тот не слишком-то многого: где уж простому смертному уловить истинную суть подобных существ? Как простой смертный может вообразить себе тех, кто от природы нематериален, кто создан из гармонических колебаний света и звука?

Да, представить себе ангелов такими, как есть, смертному не по силам... а вот Пророку – вполне.

В конце концов, не его ли некогда почитали одним из величайших среди ангелов?

На миг в тысячу крат мимолетнее мгновения ока покои озарил ослепительный свет. Стены вокруг вздрогнули, словно под натиском буйного ветра, зародившегося в том самом месте, где стоял златовласый юноша. Миг – и Пророк, при всем своем совершенстве являвший собою лишь тень потрясающей истины, исчез без следа. На его месте высился некто в долгополых одеждах с капюшоном, широко распростерший в стороны огненные крылья. Лицо ему заменяло сияние, состоявшее из совокупности света со звуком, столь дивное, что большинство смертных сочло бы его едва ли не ослепляющим. Нечто, с виду подобное длинным, серебристым волосам, обрамлявшим «лицо», также было не более чем сочетанием чистого света со звуком.

Облачение его состояло из сияющей медью кирасы и риз, словно бы сотканных, ни много ни мало, из лучей самого солнца. В понимании смертных, теперь бывший Пророк куда больше походил на какого-то богоподобного воина, и, правду сказать, на своем веку ему довелось повидать немало жестоких битв с демонами Преисподней.

Немало... а вернее – так много, что в итоге ангел этот, *Инарий*, отрекся от бесконечной войны Небес с чудовищными врагами и принялся подыскивать себе место подальше от схватки. С собою он взял единомышленников, коим тоже наскучило, побеждая в одном сражении, проигрывать следующее, и так без конца, без конца, без конца.

«Я ИСКАЛ МИРА, ПОКОЯ, А ОБРЕЛ ЛИШЬ ЕГО ВИДИМОСТЬ, – с горечью думал Инарий. – СОТВОРИЛ СЕБЕ САНКТУАРИЙ И НАЗВАЛ ЕГО ТАК ОТ ТОГО, ЧТО...»

Однако задолго до сотворения Санктуария он совершил ошибку, поддавшись на уговоры шайки демонов, также более не заботившихся о том, какая из сторон победит. А после усугубил сию ошибку, не устояв перед искушениями их предводительницы, каждое слово коей в точности совпадало с его собственными воззрениями. Союз их (а также союзы меж их соратниками) и превратил Санктуарий не просто в место отдохновения – в *наущенную необходимость*.

Из-за нее... из-за нее все и превратилось в...

«ЕСЛИ Б НЕ ВСТРЕТИЛСЯ Я С ТОБОЮ, ЛИЛИТ, НИКОГДА... ЕСЛИ БЫ НИ РАЗУ ТЕБЯ НЕ УВИДЕЛ, НИ РАЗУ ТЕБЯ НЕ КОСНУЛСЯ...»

Однако жизнь обернулась иначе, и все его сожаления были всего-навсего... да, всего-навсего напрасными сожалениями. Вернуться назад и изменить прошлое не под силу даже ему. Бегство с Небес и из Преисподней, поиски места, где б поселиться отступникам, сотворение Санктуария... все это останется в истории навсегда.

Как и предательство Лилит.

Инарий взмахнул рукой, и потолок рассекла надвое огненная черта. Стены покоев вновь содрогнулись, посредине фрески отворился огромный проем.

Ни минуты не мешкая, ангел взмыл в воздух и устремился сквозь этот проем наружу.

Оказаться замеченным он нимало не опасался. Смертные неспособны видеть его от природы, а от взоров тех, кто *мог бы* разглядеть небожителя, Инария надежно укрывали способности ангела. Теперь он мог даже не страшиться того, что его, либо Санктуарий заметят на Небесах: с недавних пор мятежный ангел ощущал в себе небывалую мощь, вполне достаточную, чтобы держать в неведении о своих деяниях даже Ангирский Совет – тем более, по-прежнему поглощенный нескончаемой, вековой войной.

Итак, Инарий впервые за многие сотни лет воспарил в небо. Расправив крылья в полный мах, он упивался ощущением абсолютной свободы. Глупо, глупо с его стороны было так долго ждать, прежде чем, наконец, взлететь снова. Но это, конечно же, не из страха, нет – скорее уж, оттого, что предательство Лилит потрясло его до глубины души, куда сильнее, чем подлые убийства остальных ангелов с демонами. Только по этой причине он и жил до сих пор в добровольном затворничестве, под личинами смертных вроде Пророка и ему подобных.

«ДОВОЛЬНО... ДОВОЛЬНО... ПОСЛЕ ТОГО, КАК КОНЧИТСЯ ЭТОТ ФАРС, ВСЕ ЗДЕСЬ УЗРЯТ МЕНЯ В ПОДОБАЮЩЕМ ВЕЛИКОЛЕПИИ...»

В конце концов, если б не он, не бывать бы и этому миру. Он вправе, он должен вести Санктуарий по намеченному пути. Лилит будет наказана, демоны – изгнаны, а от докучного смертного останутся лишь меркнущие воспоминания. Санктуарий *станет* таким, как он задумал... или Инарий уничтожит его и начнет дело сызнова.

Описав в воздухе крутую дугу, ангел пронесся мимо громады собора и через пару секунд уже парил над столицей. Великий город Кеджан был столь обширен, что мог сам по себе считаться целой страной, и некоторые утверждали, будто это окрестные земли названы *в его честь*, а не наоборот. Разумеется, подобные мелочи Инария ничуть не заботили, однако город внизу пробудил в нем кое-какой интерес. Огни столицы, пусть отдаленно, смутно, напоминали сияние Небес, края неугасимого света.

«КАК ТОЛЬКО ВСЯ ЭТА ИСТОРИЯ КОНЧИТСЯ, Я ПЕРЕДЕЛАЮ САНКТУАРИЙ ПО-СВОЕМУ, – поклялся он. – Я ПРЕВРАЩУ ЕГО В НОВЫЕ, СОБСТВЕННЫЕ НЕБЕСА, ДА ТАКИЕ, ЧТО ТЕ, ПЕРВЫЕ, ПОЗАВИДУЮТ!»

Пожертвовать ради этого – особенно его смертным – придется немалым, но дело будет доведено до конца. Слишком уж долго он, не ропща, прозябал в убожестве, хотя по праву вполне мог жить, как подобает его положению. Он сотворит здесь рай, не тревожимый пустяковыми распрями...

Внезапно ощутив рядом нечто знакомое, ангел вильнул в сторону, но сразу же выровнялся и, не мешкая, огляделся вокруг.

Поначалу ему показалось, будто это *она*, но о ее появлении он уже знал. Нет, то был кто-то другой...

Подумав об этом, Инарий почувствовал примерно то самое, что человеку напомнило бы учащенное биение сердца. Вначале Лилит... а теперь и он, некогда почти столь же близкий для ангела!

Вновь проносясь над собором, великолепное создание замедлило лет, дабы приглядеться к темным землям внизу, но как ни вглядывался Инарий во мрак, все оказалось напрасно. Только тот мимолетный проблеск и свидетельствовал о еще одном, о новом *возвращении*.

«ВЫХОДИТ, ОН УМЕН, ХОТЯ И ВПАЛ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ... НУ ЧТО Ж... В КОНЦЕ КОНЦОВ, ОН – НЕ ТОЛЬКО ЕЕ ТВОРЕНИЕ... НО И МОЕ...»

Впрочем, воскресение еще одного давнего, но, очевидно, вполне *живого* воспоминания ничего не изменит. Спустившись в свои покои, взглянув на смыкающийся над головой потолок, Инарий твердо решил: когда придет час, с этим, еще одним, он поступит так же, как и с бывшей возлюбленной.

Пусть даже это – его блудный *сын*.

* * *

Поднявшись с простого одеяла, на котором спал, Ульдиссиан увидел вокруг великое множество новых лиц, великое множество настроенных взглядов, устремленных в его сторону.

– Заставить их отойти подальше не вышло, – подойдя к нему, повинулась Серентия.

Ее темные волосы были заплетены в косу на затылке, а поступь напоминала, скорее, солдатскую, чем подобающую дочери торговца. С силой своей она управлялась все лучше и лучше, однако копье сжимала в руках так, будто в любую минуту готова пустить его в ход.

– Ничего, Серри, ничего, – машинально ответил Ульдиссиан и лишь после этого сообразил, что, забывшись, снова назвал ее уменьшительным, детским именем.

Лицо Серентии окаменело, глаза, несмотря на суровость во взгляде, заблестели от слез. После того, как она стала взрослой, лишь три человека на весь белый свет продолжали звать ее «Серри», и двое из них (последним – Ахилий) уже распрощались с жизнью.

Даже не пробуя загладить ошибку и тем, может статься, усугубить положение, Ульдиссиан повернулся к новоприбывшим. Представители всевозможных каст и народов, они, как Диомедов сын и ожидал, привели с собою немало детей. Сие обстоятельство встревожило Ульдиссиана не меньше, чем в прошлый раз, когда партанцы явились к нему со своими отпрысками. Кое-кто из детей тех уже погиб, и их смерти терзали душу куда сильнее любых других... однако, несмотря на все его уговоры, за ним по-прежнему следовали целыми семьями.

«Я должен лучше, надежнее защищать их, – с горечью подумал он. – Ради кого все это, если не ради детей?»

Далее в этот вопрос он предпочитал не углубляться, так как ответ прямо касался *его самого*. Верно, он делал все это ради пошедших его путем, но еще и из откровенной жадности. Отрицать этого, сколь бы низменны ни были его побуждения, сын Диомеда не мог.

И посему при виде детей среди нового пополнения на душе становилось особенно тягостно.

Выпрямившись, Ульдиссиан принял у Серентии мех, напился холодной воды, а остатки вылил на голову, чтобы вернее проснуться. Как на это посмотрят новоприбывшие, Ульдиссиана ничуть не заботило: если подобная мелочь отвратит их от него, значит, идти за ним они еще не готовы.

Однако никто и не подумал уходить. Все терпеливо ждали. Видя это, Ульдиссиан едва не поморщился: он-то втайне надеялся, что кое-кто из родителей уведет мальцов прочь и тем хоть слегка притупит терзавшее его чувство вины.

– Надеюсь, все вы пришли ко мне с одним и тем же, – во весь голос заговорил Диомедов сын. – Всем вам известно, что означает наш дар...

Вокруг истоиво закивали. На глаз новоприбывших оказалось более сотни. Пришедшие заняли большую часть поляны, где он устроился на ночлег, а прежние его соратники отступили в джунгли и не без опаски, однако с надеждой наблюдали за происходящим. Каждый из неопитов казался им очередным чудом.

Причин тратить время на долгие речи Ульдиссиан не видел. Он обещал главе городского совета увести приверженцев из Тораджи, а слово свое с детства привык держать твердо.

Сын Диомеда протянул руку к ближайшей из новичков, старухе, прикрывавшей голову цветастым платком. Почувствовав в ней восхищение, борющееся со страхом, Ульдиссиан понял: старуха явилась сюда одна.

– Будь добра, – пробормотал он, вспомнив давно умершую мать. – Будь добра, подойди.

Старуха без колебаний (скорее, *ее*, чем его заслуга) выступила вперед. Худая, лицо в морщинах... однако, судя по красоте карих глаз, в молодости она была весьма привлекательна.

Вопросами, что делает среди них особа столь преклонных лет, не задавался никто. Похоже, когда дело доходило до дара, возраст ничему не мешал – разве что те, кому меньше десяти, добивались каких-либо успехов медленнее остальных. Возможно, таким образом сама природа берегла их от причинения вреда самим себе либо окружающим: нечто схожее наблюдается и у детенышей некоторых животных.

– Как тебя звать? – спросил Ульдиссиан.

– Махарити.

Голос ее оказался звучен и тверд. Старухе явно не хотелось, чтобы ее сочли выжившей из ума старой кликушей, недостойной этакой чести.

Кивнув в знак одобрения, бывший крестьянин бережно стиснул в пальцах ее левую руку.

– Махарити... открой мне мысли, открой мне душу... ну, а глаза, если хочешь, закрой...

Закрывать глаз Махарити не стала, что подняло ее в глазах Ульдиссиана выше прежнего...

И тут над толпой негромко, басовито зажужжало.

Понимая, что мешкать нельзя, Ульдиссиан нахмурился, устремил гневный взгляд в пустоту.

Миг – и три бешено вращающихся в воздухе предмета, летящие в него с трех сторон, лязгнули о незримую преграду, будто о железную стену. Упав на землю, смертоносные штуковины оказались металлическими полумесяцами с крохотными блестящими зубьями по краям. Попади хоть один в цель, Ульдиссиан, несомненно, тут же расстался бы с жизнью... причем голова его, вполне возможно, скатилась бы с плеч.

Из толпы ожидавших вырвались двое. Нечесанные, невзрачные, оба бросились к Ульдиссиану... и на бегу обернулись мироблюстителем.

В руке одного, откуда ни возьмись, появилось короткое копьё, тут же брошенное в Диомедова сына. Острие наконечника мерцало странным алым огоньком. Тем временем второй метнул в Ульдиссиана еще один хищно зазубренный полумесяц.

Но прежде чем Ульдиссиан успел хоть что-нибудь предпринять, вращающееся оружие, описав в воздухе крутую дугу, устремилось назад, к хозяину. Угодив ему в грудь, полумесяц

пробил и металл кирасы, и ткань одежды, и плоть, и кость. Мироблюстителю отшвырнуло в толпу тораджан, едва успевших увернуться от окровавленного тела, безжизненной грудой павшего наземь.

Ульдиссиан сосредоточился на копье, но копье, хоть и замедлило лет, остановиться не пожелало. Алый огонек на его острие не мог быть порожден ничем иным, кроме магии демонов. Метнувшись вперед, Серентия сбила копье с пути древком собственного копья, и вражье оружие, закувыркавшись в воздухе, пронеслось мимо.

Не успев сделать более ничего, второй мироблюститель был схвачен новобранцами из тораджан. Враг выругался, но его ругань тут же перешла в страдальческий вопль: толпа принялась рвать злодея на части.

Однако подобного Ульдиссиан отнюдь не желал: ведь это уже не бой – бойня.
– Стойте!

Пустив в ход свой дар, он бережно отодвинул державших мироблюстителю в стороны, так что рядом со злодеем не осталось никого. Мироблюститель напрягся, стараясь обрести власть над собственным телом, но тщетно. Замер он, наклонившись под таким углом, что непременно должен был рухнуть на спину, и только сила Ульдиссиана удерживала его от падения.

Подошедший Ульдиссиан остановился над ним, и воин снова напряг все мускулы. Взглянув на дрогнувшие пальцы врага, сын Диомеда заметил кинжал, висевший совсем рядом с ними, на поясе.

– Кинжал взять я, если хочешь, позволю, – ровно сказал он, – только ничего хорошего из этого не выйдет.

Однако воин тянулся за жалким оружием что было сил. Вздохнув, Ульдиссиан поставил мироблюстителю на ноги и освободил его руку.

Пальцы врага немедля стиснули рукоять. Вскинув кинжал кверху, мироблюститель, к крайнему изумлению Ульдиссиана, полоснул лезвием по *собственному* горлу.

Толпа разом стихла, однако, позволив истекающему кровью врагу упасть, ошарашенный его самоубийством Ульдиссиан обнаружил, что все вокруг твердо уверены, будто это он, их предводитель, заставил воина покончить с собой. Все вокруг полагали роковой удар Ульдиссиановой карой, а заодно – наглядным подтверждением его превосходства над подосланными убийцами.

Кое-как скрывая от окружающих потрясение, Ульдиссиан устремил взгляд на мироблюстителю. Воин раз-другой булькнул горлом, дернулся в предсмертных судорогах... и затих.

«И все это время он хотел лишь покончить с собой! Потерпел поражение и не видел иного выхода...»

Подобный фанатизм просто ошеломлял. Может статься, враг полагал, что его ждет куда более ужасная участь, однако это отчего-то казалось Ульдиссиану сомнительным. На самом-то деле сын Диомеда раздумывал над тем, как бы сохранить покусителю жизнь. Минувшая ночь стала последней для многих и многих, и вот новый день тоже начался с кровопролития! Как же ему это надоело...

«Но путь этот ты выбрал сам», – напомнил он себе.

– Мастер Ульдиссиан! Мастер Ульдиссиан!

Радуюсь возможности хоть на что-то отвлечься, Ульдиссиан с благодарностью оглянулся на Рома. Бывший преступник указывал себе за спину: там, позади, еще двое партанцев волокли к остальным безжизненно обмякшее тело.

Третий мироблюститель... Только теперь Ульдиссиан вспомнил о том, что первый удар был нанесен откуда-то издали.

– На опушке джунглей нашли, – потирая лысину, пояснил Ром.

Едва остальные двое бросили мертвое тело наземь, причина смерти врага сделалась очевидна каждому. Кто-то, по всей вероятности, доверяя отточенному мастерству больше, чем

непривычной, не испытанной в деле внутренней силе, весьма искусно сразил подосланного убийцу пущенной в затылок стрелой.

Еще одна смерть... но из тех, которых не избежать. Вдобавок, беду мироблюстителю накликал на свою голову сам.

– Прекрасно, Ром.

– Так это не я, мастер Ульдиссиан.

Двое других тоже отрицательно покачали головой. Ульдиссиан на минуту задумался.

– Тогда кто же?

Но приписать заслугу себе не пожелал ни один.

Сдвинув брови, Ульдиссиан присел над телом убитого. Выстрел, как он уже отметил, был великолепен: тут чувствовалась рука умелого лучника. Чуть в сторону, и стрела прошла бы мимо либо угодила в латы...

Древко стрелы было измазано чем-то темным. Потерев стрелу кончиком пальца, Ульдиссиан озадаченно наморщил лоб.

«Чем-то темным» оказалась сырая земля... сырая земля, покрывавшая древко почти целиком, точно стрелу недавно извлекли из *могилы*.

Глава пятая

Он мерз. Мерз даже здесь, посреди курящихся жарким туманом джунглей. Правду сказать, согреться теперь не удавалось нигде, кроме как рядом с *ними*... или, может, не с ними, а с *ней*. «Да, – думал он, – скорее всего, это она. Больше некому».

Поступив так, он здорово рисковал, но иначе мироблюстителю мог бы сбежать. Много ли в этом проку, утративший гибкость разум сообразить не сумел, однако он решил не полагаться на случай. Стрела в затылок, под основание черепа – и дело сделано.

Вот только теперь ему следовало поскорей убираться прочь. Показаться им на глаза он не отваживался. Увидев, его наверняка сочтут опасным... и, может статься, не слишком-то в том ошибутся.

Закинув лук за спину, стрелок углубился в густые заросли. Всякий раз, вынужденный опереться о дерево, он оставлял на коре смазанные, нечеткие отпечатки ладоней. Ладоней, испачканных мягкой сырой землей... и как усердно их ни оттирай, все без толку.

Внезапно почувствовав рядом кого-то еще, он напряжился, насторожился. Из зарослей крался навстречу некто большой, однако ловкий и гибкий, а еще явно слышавший его шаги, хотя он и полагал, что идет совершенно беззвучно. Его рука медленно потянулась к луку...

Из кустов впереди показалась огромная, свирепого вида кошачья морда с парой длинных, кривых, точно сабли, клыков, торчавших из-под верхней губы. Обитатель джунглей угрожающе зарычал, однако рык его тут же обернулся шипением, и исполинский кот, выгнув спину, подался назад.

Путник опустил руку. Ему бы сразу понять, что бояться-то нечего... Подобно всем прочим зверям, кот чуял: с ним дело нечисто.

Охваченный нетерпением, желанием поскорее закончить этот никчемный балаган, пополам с отвращением к самому себе, он сделал шаг навстречу огромному коту. Кот снова зашипел, фыркнул и отступил ровно на тот же шаг.

– Недосуг мне... с тобой... возиться...

То были первые слова, сказанные им за многие дни, и собственная хрипота испугала его не меньше, чем грозного зверя. Ни на что более не притязая, кот-великан развернулся, поджал хвост под брюхо и бросился наутек.

Лучник ненадолго задумался, оценивая поведение зверя. Столкновение только лишний раз подтверждало: попадись он кому-либо на глаза, ничем хорошим это не кончится.

Однако он *должен* держаться рядом. И не только потому, что хотел того сам: его *влекла* к ним какая-то странная сила. Вот и в эту минуту желание повернуть назад усилилось во много раз против прежнего. Вскоре оно делается столь сильно, что хочешь не хочешь, а повернешь... Он мог бы даже точно сказать, сколько шагов отделяет его от них, однако еще один, вот этот, собирался прибавить к ним во что бы то ни стало. Врожденное упрямство требовало сохранить за собою хоть малую толику независимости.

Кот давным-давно скрылся в зарослях. Отодвинув в сторону широченный, размером с лицо человека лист, лучник двинулся дальше.

Оставив позади, на листе, очередной отпечаток грязной ладони.

* * *

С новообращенными пришлось провозиться почти все утро, однако Ульдисиан, несмотря на данное слово, не желал уходить, пока каждый из них не поймет, что именно в них пробуждается. Все это не означало, что любой сразу же обретет некие необычные силы, но хотя бы сулило кое-какую надежду, если опасность снова подымет голову... а она ведь подымет, и очень скоро. По счастью, прочие его приверженцы – особенно из партанцев, у которых было время поупражняться – наверняка послужат тораджским собратьям воодушевляющим примером.

«Нефалемы» – так назвала Лилит тех, в кого они превращались, однако это слово не только оставляло горечь на языке, но и казалось неподходящим... по крайней мере, ему самому. От тораджан Ульдисиан услышал другое название – древнее и даже слегка похожее на изначальное.

«Эдирем»... Означало оно «тот, кто увидел», «узревший», и Ульдисиан решил, что такое название подходит и для него, и для остальных безусловно. Воспользовавшись им с утра, сын Диомеда сразу отметил, как легко соскользнуло оно с языка. Подхваченное остальными, новое имя немедля вошло в обиход, заменив собой прежнее...

Как только с делом было покончено, путники снялись с лагеря и покинули окрестности города. Солнце стояло в зените, однако шли они, точно в сумерках. С трудом пробивавшийся сквозь густую листву, свет достигал земли лишь в виде тоненьких лучиков. Впрочем, на сей счет никто не роптал: в джунглях и так стояла невыносимая духота. Конечно, тораджане привыкли к такому климату с детства, но большинство асценийцев, включая самого Ульдисиана, взмокли от пота.

Единственным исключением оказался, естественно, Мендельн. Сквозь джунгли он шел, будто ему здесь привычнее, чем любому из местных. Одетому в темное, брату Ульдисиана следовало бы умирать от палящего зноя, однако на его безмятежном лице до сих пор не выступило ни капельки пота.

Ульдисиан перевел взгляд на Серентию. Жара на ней, как и на нем самом, сказывалась – разве что обходилась с Серентией чуточку милосерднее. Приглядевшись к ней, Ульдисиан впервые в жизни заметил ее девичью красоту, впервые в жизни увидел в той, кого все это время считал подругой, вроде сестренки, прекрасную женщину. Как же завидовал он теперь месту, занятому в ее сердце Ахилием! Некогда это место принадлежало ему, да только былого уже не воротить...

Всякие мысли об ухаживаниях Ульдисиан живо пресек на корню: он все еще чувствовал за собою прямую вину в ужасной гибели друга.

Вскоре Серентия остановилась, чтобы напиться, но стоило ей поднести мундштук меха к губам, пальцы ее разжались и мех упал. Вода разлилась по земле.

Ульдисиан потянулся за собственным мехом.

– Держи, я с тобой поделюсь.

Но Серентия, подобрав оброненный мех, покачала головой.

– Лучше побереги. Всего в нескольких ярдах позади остался ручей... а заодно я с кое-какими личными надобностями разберусь.

– Тебе бы с собой кого-нибудь прихватить...

На это Кирова дочь откликнулась благодарной улыбкой.

– Все со мной будет в порядке. Да ты, наверное, и макушку мою видеть все время сможешь.

Пусть и ничуть этим не успокоенный, Ульдисиан понимал: спорить бессмысленно. Знаком велел остальным двигаться дальше, он остался на месте.

– Побуду здесь. За тобой не пойду, не волнуйся.

Дочь Кира вновь улыбнулась, и Ульдиссиан обнаружил, что улыбка ее ему по душе.

Серентия поспешила в заросли. Двое-трое из спутников собрались было остаться с Ульдиссианом, но их компанию он учтиво отверг. Зелень вокруг шевелилась, точно живая, от теней густой листвы рябило в глазах, однако Ульдиссиан изо всех сил старался ни на миг не упускать дочь торговца из виду. Как она и говорила, до ручья оказалось совсем недалеко: по сути дела, кое-кто из спутников успел по пути им воспользоваться, так что опасаться не стоило, но...

Но все же Ульдиссиан уже не раз думал именно так и жестоко при том ошибался.

Наклонившись, Серентия впервые скрылась от его взора целиком. Ульдиссиан затаил дух... и выдохнул, лишь увидев, как она поднимается.

Серентия оглянулась и махнула ему рукой, веля отвернуться. Охваченный беспокойством, сын Диомеда нехотя повиновался.

Шорох листвы... и тишина. Тут Ульдиссиану пришло в голову, что он мог бы проверить, как она там, при помощи новообретенной силы, однако Серентия, наделенная собственной силой, вполне могла это почувствовать. Могла... а может, и не могла, но, помня, по какой надобности она отлучилась, бывший крестьянин подглядывать за ней постеснялся.

Оттуда, где скрылась Серентия, донесся негромкий вскрик. Ульдиссиан замер, вглядываясь в заросли. К счастью, вскоре голова темноволосой девушки вновь показалась из-за кустов, а еще через пару секунд Серентия воротилась к нему.

– Мне тут... ненадолго тревожно сделалось, – признался сын Диомеда.

К немалому его удивлению, услышав это, Серентия просияла, коснулась ладонью его щеки и едва ли не застенчиво улыбнулась.

– А я этому рада, – в конце концов пробормотала дочь торговца и, зарумянившись, устремилась вперед.

Не на шутку озадаченный, Ульдиссиан замер, пытаясь понять, что все это значит, и значит ли хоть что-нибудь, но затем выкинул столь опасные мысли из головы и поспешил вдогонку за остальными.

* * *

Направлялись они, вопреки ожиданиям некоторых, не к столице, но чуть южнее – туда, где находился главный храм. Будь его воля, Ульдиссиан предпочел бы с этим не торопиться, однако Лилит не оставила ему выбора. Ей, похоже, и *вправду* хотелось, чтобы он уничтожил Церковь Трех, но что-то подсказывало: похода прямо на их штаб-квартиру демонесса не ожидает. Так что Ульдиссиан надеялся застать ее врасплох.

Однако он подозревал, что к несчастью все равно сыграет ей на руку.

На привал разношерстная группа эдиремов остановилась невдалеке от реки, по словам тораджан, протекавшей от южных ворот города к земельным угодьям, принадлежавшим Церкви Трех. Узнав об этом, Ульдиссиан рассудил, что река послужит в дальнейшем пути прекрасным проводником. После того, как Ром кое с кем из товарищей подыскал превосходное место для лагеря, люди начали устраиваться на ночлег.

Вспомнив об убитых Ахилием речных ящерах, Ульдиссиан строго-настрого запретил всем и каждому не только устраивать ложе слишком близко к воде, но и ходить на берег поодиночке. Небольшим группам тех, кто собирался идти к реке по какой-либо надобности, было наказано непременно предупреждать остающихся об уходе.

– Казалось бы, чего нам бояться при таких-то силах? – с горькой иронией сказал он Мендельну, когда оба устроились у одного из множества костров и остались одни. – Вроде бы и нечего, но ты только погляди на нас...

– Ничего, Ульдисиан, учатся они быстро. Разве ты не заметил? Чем больше людей идет за тобой, тем быстрее прирастает сила твоих сторонников.

– А как же иначе? Ведь я веду их на войну против демонов, магии и как знать, чего еще! – выпалил старший из братьев, уткнувшись лицом в ладони. – Успеют ли они приготовиться к этому, Мендельн? Ты сам видел, чем обернулось дело в Торадже...

– Урок Тораджи мы все запомнили накрепко, брат. В следующий раз все будет иначе.

Ульдисиан поднял взгляд. Глаза его сузились.

– В следующий раз... Как тораджане называли то поселение?

– Хашир. Он поменьше Тораджи.

– Однако сдастся мне, с ним выйдет ничуть не проще.

– Чему быть, того не миновать, – пожав плечами, откликнулся Мендельн.

С этим младший из братьев поднялся на ноги и, хлопнув Ульдисиана по плечу, скрылся во тьме. Ульдисиан остался сидеть у костра, глядя в огонь, вспоминая пламя, поглотившее храм, а заодно и окрестные кварталы Тораджи. Не повторится ли все снова? Скольким суждено пасть на сей раз? Победа над Люционом исполнила его решимости, однако Тораджа не оставила от нее почти ничего, хотя он и скрывал это от всех, кроме Мендельна.

– Не стоит так волноваться, Ульдисиан. Тревоги во вред и тебе, и тем, кто идет за тобой.

Подняв взгляд, сын Диомеда увидел Серентию, вошедшую в круг, освещенный костром, точно какой-то дух ночи. Волосы девушки были распущены по плечам, и Ульдисиан удивился тому, сколь они длинны и пышны.

– Я думал, ты уже спишь, – ответил он.

– «Спишь»...

Откинув волосы за спину, Серентия села рядом.

– Не так много я сплю, как кажется некоторым, Ульдисиан.

Это Ульдисиан, нередко страдавший от бессонницы сам, понять вполне мог, но то, что Серентия решила поделиться бедой, настораживало.

– Так надо же было сказать...

Глаза ее заблестели в свете костра.

– Тебе? Но как же тебе докучать, когда у тебя и без того дел по горло?

С этими словами Серентия прислонилась к его плечу. Ее близость и волновала, и в то же время прибавляла сил угрызениям совести.

– Для тебя у меня всегда время найдется, – само собой сорвалось с его языка.

Серентия положила руку сверху на его ладонь.

– Ты же знаешь, Ульдисиан: если б я к кому и обратилась, то только к тебе. А еще знаешь, что для тебя я всегда рядом, только позови. И раньше всегда была рядом...

Да, сын Диомеда помнил, как она многие годы хвостиком бегала за ним в ожидании, когда же крестьянин заметит девчонку, выросшую в красавицу-девушку. И он, Ульдисиан, замечал, да только, в отличие от большинства серамских парней, не в той манере, в какой бы ей хотелось.

И только теперь, в самый неподходящий момент, ее былые мечты воплотились в жизнь.

Серентия склонилась к нему поближе... слишком уж близко...

– Ульдисиан...

Разрываемый надвое желанием и верностью погибшему товарищу, Ульдисиан отвел взгляд от ее глаз...

И тут же увидел нечто, едва различимое во тьме ночных джунглей.

Ахнув, Ульдисиан вскочил на ноги.

– Ульдисиан! Что с тобой?

Невольно оглянувшись на Серентию, он тут же вновь устремил взгляд в заросли, однако увидел там лишь темные деревья да плети лиан. И более ничего. Ничего, хоть отдаленно напо-

минающего человека. И уж точно ничего, хоть отдаленно напоминающего человека с бледным лицом в обрамлении светлых волос, принятого Диомедовым сыном за того, кого он давно полагал погибшим.

– Ахилий, – прошептал Ульдиссиан и без раздумий шагнул к опушке.

– Что ты говоришь? – переспросила Серентия, внезапно встав у него на пути. – Ты там что-то увидел?

– Нет... нет, ничего. Показалось.

Не мог же он ей ответить, что видел в зарослях призрак, ходячего мертвеца! В конце концов, это лишь морок, навеянный муками совести, а Ахилий остался в могиле, далеко-далеко...

К еще большему смятению Ульдиссиана, Серентия прижала ладони к его груди и подняла на него взгляд.

– Ульдиссиан...

– Час уже поздний, – оборвал ее сын Диомеда, подавшись назад. – А нам с тобой, Серри, нужно бы выспаться как можно лучше.

Прежним ее именем он на сей раз воспользовался нарочно, в надежде покончить со щекотливым положением.

Серентия сдвинула брови, однако согласно кивнула.

– Ладно. Как скажешь.

Ульдиссиан ожидал продолжения, однако дочь Кира внезапно развернулась и направилась в глубину лагеря. Проводив ее взглядом, дождавшись, пока она не скроется среди остальных, сын Диомеда снова подсел к костру.

Уставившись в заросли, Ульдиссиан внезапно потянулся мыслью во мрак. Нет, в темноте не оказалось никого, да он ни на что и не рассчитывал. Все это – одна только его скорбь.

Ахилий погиб... и уже по одной этой причине Ульдиссиан *никак* не мог позволить собственным отношениям с Серентией перерасти в нечто большее.

* * *

Почувствовав что-то неладное, Мендельн проснулся, вскинулся, сел. Ощущение это он ненавидел всем сердцем: обычно оно предвещало неминуемую беду, причем не для него одного – для всех. Оглядевшись вокруг, никаких причин для тревоги он не обнаружил, но это нимало не успокаивало. С опасностью, никак себя не проявляющей, пока не улучит момент для нанесения удара, он с братом уже имел дело не раз и не два.

Стараясь не шуметь, Мендельн поднялся с одеяла. Не в пример многим другим, спал он не у костра, отчего-то предпочитая охранительному свету пламени покой ночной темноты. Еще одно отличие от мальчишки, в прежние времена неизменно жавшегося поближе к огню, едва угаснут последние проблески дня...

Главной заботой его, разумеется, был Ульдиссиан. Мягким кошачьим шагом, осторожно огибая спящих эдиремов (так теперь они именовали себя), Мендельн двинулся на поиски брата. Спал Ульдиссиан беспокойно и в одиночестве; Серентии нигде поблизости не нашлось. Последнее слегка разочаровывало. Мендельн надеялся, что после гибели Ахилия эти двое наконец-то отыщут друг друга – хоть малую толику радости оба наверняка заслужили. Но, видимо, брат до сих пор чувствовал себя слишком уж виноватым в смерти охотника, а Серентия давным-давно отчаялась привлечь к себе Ульдиссианов взор.

«Эх, если бы все мои заботы вращались вокруг вещей столь прозаических, как любовь, – подумалось Мендельну. – Насколько проще была бы жизнь...»

Однако что же его так встревожило, если не опасность, грозящая Ульдиссиану?

Пробираясь назад, к походному ложу, Мендельн еще раз поразмыслил над происшедшим. Никаких чего-либо значащих сновидений ему не являлось, до ушей не доносилось ни звука... по всей справедливости, спать бы ему да спать!

Вновь оглядевшись вокруг, Мендельн не обнаружил рядом ни одного из собственных, личных спутников, а ведь обычно поблизости от него неизменно держалась пара-другая призраков, теней, не сумевших сразу же преодолеть его притяжения. Из Тораджи отряд уходил, сопровождаемый не только новообращенными, но и не одной дюжиной призраков – большей частью, теней погибших в бою. По пути многие исчезли, однако за время дневного перехода к оставшимся присоединилось несколько новых. Эти принадлежали злосчастливым охотникам либо путешественникам, павшим жертвой безжалостных джунглей. Подобно остальным, они словно чего-то хотели от Мендельна, но едва сообразив, что желаемого не получают, мало-помалу вновь исчезали.

Но все *без остатка* призраки исчезали очень и очень редко.

Охваченный любопытством, Мендельн направился к краю лагеря. В темноте он видел куда лучше других, но, кроме темных зарослей, не мог различить ничего.

И все же... что это? Не шевельнулся ли кто-то вон там, справа?

– Иди сюда, – прошептал он.

Впервые произнесенные, эти слова побудили призраков придвинуться к нему ближе прежнего. Как правило, призывать их Мендельн избегал, но если этот призрак что-либо значит для них с братом, надо бы выяснить, с чем он пожаловал.

Однако замеченный им силуэт приближаться не торопился – напротив, чем пристальней Мендельн вглядывался в заросли, тем верней убеждался, что зрение его подвело. Теперь силуэт напоминал вовсе не человека – скорее уж, ветку папоротника или какого-то иного растения...

И все же тревога униматься никак не желала. С досадой переведя дух, Мендельн шагнул в заросли. Риск подобной затеи он вполне сознавал: возможно, насекомые, не дающие остальным покоя, и держатся от него в стороне, но как знать, последуют ли их примеру и крупные плотоядные, о которых рассказывали тораджане?

На его взгляд, ночью джунгли обрели особую прелесть, будто некая таинственная красавица, а опасности, скрывавшиеся во тьме, лишь придавали этой красавице еще большую притягательность. Углубляясь в заросли, Мендельн подивился причудам собственного воображения. Да, теперь он, определенно, не прежний боязливый мальчишка, каким оставался даже после того, как вырос!

Примеченный им силуэт должен был отыскаться совсем рядом, однако теперь Мендельн не увидел ничего, напоминающего его хоть отдаленно. Может, все же почудилось? Или тот, кого он заметил, поспешил скрыться, как только понял, что обнаружен?

Плеча коснулась чья-то рука.

Обернувшись, точно ужаленный, Мендельн... не увидел позади никого.

– Кто ты? – прошептал он.

Но джунгли хранили безмолвие. Правду сказать, вокруг сделалось удивительно тихо, слишком уж тихо для мест, голоса коих днем – нередко лишь детский лепет в сравнении с тем, что начинается после заката. Обитателей в джунглях насчитывалось куда больше, чем в целой тысяче Серамов, однако сейчас всех их будто и след простыл. От самых маленьких и до самых огромных – все живое подозрительно затаилось, притихло.

Стоило Мендельну отметить это, слева донесся шорох листвы... а в уголке поля зрения мелькнул некто на двух ногах.

– Избавь меня от своих шуток да фокусов! – прорычал младший из Диомедовых сыновей. – Покажись, а не то!..

Что, собственно, он предпримет в противном случае, Мендельн понятия не имел. Прежде в минуту опасности у него с языка слетали слова того самого древнего языка, которого он знает

не знал, слова заклинаний, не раз спасавшие его жизнь, но защитят ли эти слова от прячущегося во тьме? Как знать, как знать...

Прячущийся снова зашевелился, теперь уже справа. Слово сорвалось с губ Мендельна само собой, и джунгли на миг озарила неяркая пепельно-серая вспышка.

Однако увидел он вовсе не то, чего ожидал.

– Нет... нет, – прохрипел брат Ульдиссиана, отказываясь верить собственным глазам.

«Морок, должно быть... а может, какая-то хитрость», – подумал он.

Да, это все объясняло, а объяснив, укрепило его решимость. Из всех, кого он только знал, на подобную мерзость могла пойти лишь она.

– Лилит...

А он тут один – дурачок, переоценивший свои жалкие силы... а демонесса, несомненно, готовится к роковому удару. Каким он окажется? Само собой, Мендельн погибнет чудовищной смертью, и умирать будет долго...

Как ни странно, смерти самой по себе он не страшился – вот только предшествующего ей хотелось бы избежать.

Что ж, страха Мендельн ей не покажет. Если его гибель чем-то поможет Ульдиссиану, или хотя бы послужит ему предостережением – это уже кое-что.

– Ладно, Лилит. Вот он я. Давай же, делай, что там тебе угодно.

Тут Мендельну на ум пришли новые слова, и он почувствовал зыбкую надежду. Мендельн знал: могущество этих слов предоставит ему шанс хотя бы оттянуть неизбежное...

И тут что-то свистнуло над самым его ухом. Из темноты раздался переливчатый, сродни звериному, вой, а следом – глухой удар, удар чем-то тяжелым о дерево невдалеке.

Вглядевшись во мрак, туда, откуда слышался вой, Мендельн увидел у одного из могучих стволов нечто ужасное. Видя, что жуткая тварь не движется, он отважился подойти к ней.

То был морлу... морлу со стрелой в горле, угодившей точно в полудюймовую щель между шлемом и латным нагрудником. Вид этой стрелы извлек из глубин памяти новый кошмар. Стоило Мендельну потянуться к древку...

Морлу поднял голову, уставился на Мендельна черными дырами глаз, вскинул руки навстречу Ульдиссианову брату.

С языка Мендельна сами собой потекли, заструились те же слова, что спасли его от такой же твари в доме мастера Итона. Тянущиеся к нему пальцы морлу вмиг скрючились, точно звериные когти, и устрасающий воин, забулькав горлом, обмяк. Только стрела, пригвоздившая морлу к стволу дерева, и не позволила отвратительной бледнокожей твари рухнуть ничком у ног Мендельна.

Нимало не мешкая, Мендельн простер ладонь над грудью чудовища. Новая фраза – опять-таки впервые примененная к делу в Парте – соскользнула с языка без помех.

Немногие смогли бы увидеть крохотное черное облачко, выпорхнувшее из тела морлу и повисшее в воздухе над Мендельновой ладонью. Чуть задержав взгляд на этой мерзости, брат Ульдиссиана резко, точно ловя муху, сомкнул пальцы.

Облачко тут же рассеялось.

– Больше тебя не поднимут из мертвых, дабы творить злодеяния.

Какая бы темная сила ни приводила морлу в движение, ни придавала им видимость истинной жизни, этого трупа ей уже не воскресить – он, Мендельн, о том позаботился.

Оставался лишь тот, кто в первый момент спас его от прислужника Церкви Трех. Коснувшись стрелы, Мендельн с некоторым недоумением обнаружил, что ее древко сплошь измазано грязью. Совсем как та стрела, что прикончила одного из мироблюстителей...

– Не может быть... он же мертв...

«Но ведь жизнь – это только одежды, и всякий носит их лишь до поры...»

Мысль эта промелькнула в его голове, однако Мендельн ни на миг не поверил, будто она в самом деле порождена им самим. Подобные вторжения в собственный разум он чувствовал не впервые. Появляясь, незваный гость всякий раз указывал ему верный путь, но теперь его слова только встревожили Мендельна пуще прежнего.

– Нет! – прорычал он во тьму. – Он мертв! Думать иначе есть зло! Он мертв и лежит в могиле! Я сам хоронил его! Я сам выбирал место для... место для...

И выбрал место для захоронения тела совсем рядом с древним обелиском, сплошь испещренным письменами того же сорта, что и серамский камень! Мендельн разинул рот, поражаясь собственной наивности. С чего ему взбрело в голову, будто место для могилы выбрано им самим? Некто неведомый исподволь направил его туда, а он, даже не заподозрив неладного, безропотно повиновался.

Покачав головой, Мендельн попятился...

И наткнулся спиной на кого-то еще.

Поспешив обернуться, Ульдиссианов брат... уставился прямо в бледное, перепачканное землею лицо Ахилия.

Глава шестая

Демоном Астрога был весьма и весьма амбициозным. Сидя близ когтистой длани самого Дьябло, величайшего из Великих Воплощений Зла, он не терял времени зря и многому научился. Необходимость во всем угождать Люциону раздражала его до глубины души, однако Люцион – как-никак сын Мефисто, а стало быть, Астроге с ним не тягаться.

Вот только в последнее время Люцион вел себя как-то странно. Исполняя роль Примаса, архидемон никогда не отступал от им же заведенных порядков, но после возвращения из той таинственной вылазки его словно подменили. Не знай Астрога, что почем – мог бы поклясться: на троне Примаса сидит кто угодно, только не сын Мефисто. Но такого, конечно же, быть не могло, ибо кому на свете по силам притвориться самим Люционом?

Демон заерзал, всколыхнув паутину, ныне укрытую во мраке под сводами одной из высоких башен главного храма Церкви Трех. Под новое обиталище Астрога, естественно, выбрал ту, что посвящена Диалону – духу, соответствовавшему его господину, Дьябло. Вокруг погруженного в невеселые размышления демона кишели его «детишки», зловещего вида черные пауки самой разной величины – порой размером с человечесью голову.

Обличий да воплощений у Астроги имелось множество. Сейчас он пребывал в облике отчасти паучьем, отчасти же человеческом, являя собою жуткую помесь тех и других. Восемь нижних конечностей, куда толще, мощнее лап любого из пауков, могли служить как руками, так и ногами, смотря какая возникнет нужда. Каждая заканчивалась когтистыми пальцами, превосходно рвущими нежную плоть, дабы пища лучше, удобнее помещалась в пасть, уснащенную не только клыками, но и частоколом острых зубов. Туловище Астроги в общих чертах напоминало торс человека, только необычайно округлый и широкий в плечах. Впрочем, если придется под настроение, он мог устроить и наоборот.

Голову его венчали еще восемь небольших, с ладонями как у людей конечностей. Такими весьма удобно подтаскивать жертву поближе к пасти, а еще выбирать из черного меха на теле крохотных паразитов, если вдруг пожелаешь между делом перекусить.

Множество близко посаженных малиново-алых глаз, начисто лишенных зрачков, позволяли Астроге смотреть разом едва ли не во все стороны, созерцать то, что сокрыто от взоров большинства смертных и даже демонов. Правду сказать, благодаря им он мог заглянуть даже в саму Преисподнюю, где ему время от времени следовало докладывать хозяину и повелителю о ходе дел.

С очередным докладом Астрога безнадежно запаздывал. Не по забывчивости – из опасений навлечь на себя гнев владыки Дьябло: ведь дотянуться сюда и раздавить Астрогу, точно букашку, великому демону было проще простого.

Медлил арахнид оттого, что все еще не знал, как понимать перемены в поведении Люциона. Если Люцион для главенства более не годится, то кто-то, само собой, должен вмешаться и заменить его... однако, с учетом роли во всем этом Мефисто, без осложнений дело не обойдется. Покушений на власть своего отпрыска один из Великих Воплощений Зла отнюдь не одобрит... ну, разве что замена сумеет показать результаты уж очень многообещающие.

Вот потому-то Астрога и размышлял, как ему теперь быть. Для Преисподней человек по имени Ульдиссиан представлял собой невероятную ценность, но и нешуточную опасность. Люди вполне могли стать тем самым оружием, что принесет демонам долгожданную победу над святошами-ангелами, однако природная склонность к добру может подвигнуть людишек на союз с Небесами... до тех пор, пока от благочестия и косности крылатых воинов их не начнет воротить в той же степени, что и демонов.

Поднеся к пасти обмякшую руку, к которой время от времени прикладывался, Астрога высосал из нее остатки крови. Детишки тем временем алчно кишели над остальным – над чахлым телом юного храмового послушника из тех, кого наверняка никто не хватится. В подвернувшихся под руку простофилях Люцион никогда ему не отказывал: ведь без пропитания, знаете ли, даже демону не обойтись.

Но, стоило только высосать все до капли, Астрогу охватил *страх* – внезапный страх неодолимой силы. Демон отшвырнул руку прочь, детишки поспешили забиться подальше в угол... вот только от того, кто породил этот ужас, ни им, ни ему не спрятаться ни в каком сумраке.

Под сводами башни зашелестели едва различимые голоса, звучавшие столь иступленно, что на чудовищном теле Астроги поднялась дыбом колючая шерсть. В каждом из них явственно слышалась отчаянная, безнадежная мольба. Муки их обладателей до глубины души потрясли даже его, демона, творившего зло многие сотни лет.

Миг – и перед глазами, позволявшими заглянуть за пределы Санктуария, возник огромный силуэт, будто бы летящий из мира в мир. Поначалу он несся к Астроге сплошной черной тенью, но, приглядевшись, демон сумел различить в нем лица – лица людей вперемешку с лицами демонов. Разинув рты в пронзительном вопле, лица эти непрестанно, не успев обрести четкости черт, сменялись одно другим, и каждое словно явилось прямиком из кошмарного сна.

Вскоре ужасающий призрак приблизился настолько, что Астрога сумел различить его огненно-красное тело, огромные кулаки с черными когтями, жуткий лик наподобие черепа, едва прикрытого полуистлевшей плотью, и пламенеющие глаза, не мигая взиравшие прямо в глаза арахнида. Лобастую, покрытую чешуей голову венчали чудовищные витые рога вроде рогов дикого барана. Но в следующий миг этот образ исчез, уступив место скелетообразному существу в проржавевших доспехах, с пучком гниющих, кишачих личинками мух потрохов в руках. На смену второму ужасу столь же внезапно явился ящероподобный зверь с пастью огромной жабы и языком не о двух – о четырех концах. Казалось, пасть эта так огромна, что без труда проглотит целиком человека... а то и арахнида, даже такого большого, как...

Образ рептилии промелькнул перед глазами и тоже скрылся, смешавшись с сонмом орущих лиц. И вот, наконец, до ушей демона донесся голос – голос невероятной силы. Каждое слово звучало, точно хруст сочного паучьего мяса на острых зубах:

– *Астрога... Астрога... я жду известий, жалкий червяк...*

Мягкость гнева хозяина внушала надежду, и демон в паучьих тенетах воспрянул духом.

– Прости меня... прости мое опоздание, о повелитель мой, Дьябло...

Темный силуэт окутался мраком, стал едва различим. Оно и к лучшему: узреть господина во всем его великолепии отнюдь не горел желанием даже Астрога. Кое-кто из демонов после подобных аудиенций повредился умом. Конечно, Астрога был крепче прочих, но и его, однажды – и то всего на пару секунд – сподобившегося узреть владыку Дьябло, каков он есть, трясло после не один год.

– *Что там с этим комком грязи, который ты зовешь Санктуарием?* – без предисловий спросил Дьябло. Голос его не щадил ни единого нерва в паучьем теле, каждый слог причинял целую тысячу мук. – *Долго мне еще ждать, пока племянник хоть чего-то добьется?*

Вот он, тот шанс, который Астроге и требовался!

– О великий и славный Дьябло, одно имя коего ввергает ангелов в ужас! Как бы ни обернулись события, оный блюдет твою волю со всем возможным усердием! Сколько раз оный пытался помочь благородному Люциону советом... но он не слушает! Разумеется, у сына Мефисто *столько* хлопот! Как тяжело ему управлять всем и вся, постоянно строить планы в одиночку...

Ответом Астроге был грубый, скрежещущий хохот, заставивший всей душой пожалеть об отсутствии ушей – ведь тому, у кого нет ушей, и зажать-то в случае надобности нечего. Впрочем, сколько уши ни зажимай, от хохота, подобного землетрясению, все равно не уберешься...

– *Вот как? Выходит, ты, козявка, знаешь, как склонить на нашу сторону населяющих этот комок грязи червей? Однако племянник мой слушать тебя не желает?*

– Да... мысли мои так и остались невысказанными. Ведь мне... ведь мне, ничтожному, да и любому другому, нелегко постичь замыслы благородного Люциона и что-либо ему присоветовать. А между тем его планы становятся все непредсказуемее. Вначале он привлекает вожака этих смертных в ловушку, затем оставляет меня и Гулага – от коего ныне осталась только злобная лужа – обороняться от совокупной мощи ангелов и демонов в одиночку...

– *Вот, значит, как он могущественен...*

Тон Дьябло не оставлял ни малейших сомнений: владыка весьма и весьма заинтригован. Гибель прислужника брата, Баала, не огорчила его ни в коей мере – лишь подтвердила, что в солдаты люди вполне годны.

– Оный продолжил бы бой – Астрога страшится лишь своего господина, но Люцион отослал меня прочь и скрыл от моего взора столкновение с Ульдиссианом!

– *И после этого смертный еще не наш?*

– Нет, в том-то и дело! И не далее, как прошлой – по времени Санктуария – ночью разорил еще один храм! Но мало того, что Люциону это словно бы безразлично – в последнее время оный его даже не видит... вторая загадочная отлучка! Наши смертные слуги оставлены без пригляда – а ничего хорошего из этого наверняка не выйдет, однако оный должен сидеть и ждать, сидеть и ждать, тогда как сейчас столько, столько можно сделать!

Умолкнув, арахнид принялся ждать от Дьябло ответа, однако ответом ему было лишь молчание. Молчание тянулось, тянулось, и чем дальше оно тянулось, тем тревожнее становилось у Астроги на сердце.

И вот, наконец...

– *У тебя есть что-либо на уме, козявка?*

– Да, о повелитель мой, о Дьябло... если мне, ничтожному, будет позволено действовать по собственному разумению... и, может быть, выйти за рамки того, что придется по нраву благородному Люциону...

Снова молчание.

– *Говори же, таящийся в сумраке, рассказывай, мой Астрога...*

И арахнид с едва скрываемым торжеством начал рассказ.

* * *

В пути сквозь джунгли Мендельн держался необычайно молчаливо даже для себя самого – настолько, что Ульдиссиан не мог этого не заметить. Взглянув на брата, приметил он и еще одну странность: смотрел Мендельн прямо вперед, как будто боялся, устремив взгляд в сторону, увидеть что-нибудь нежеланное.

К несчастью, целиком сосредоточиться на Мендельне Ульдиссиан не мог: слишком уж многое тревожило его разум, причем опасности, ждавшие путников впереди, являли собой лишь одну из тревог. Кроме этого, ему не давал покоя случай с Серентией.

Серентия явно дала понять, что открыта для его ухаживаний, и Ульдиссиану чем дальше, тем сильнее хотелось этим воспользоваться, но ведь, поступив так, он втопчет в грязь память о лучшем друге...

Досадливо крякнув, Ульдиссиан – *в который уж раз* – велел себе выкинуть сей предмет размышлений из головы. В джунглях опасность подстерегает за каждым кустом, да еще против них Церковь Трех, так что отвлекаться на посторонние мысли не время. Помня об этом, Ульдиссиан постоянно прощупывал путь впереди: не угрожает ли что-либо рядом идущим? Уже не раз отгонял он прочь крупных хищников, а полудюжине змей и удаву невероятной величины велел ползти своей дорогой. Заниматься всем этим приходилось постоянно: джунгли таили в себе столько возможных угроз, что просто не верилось.

Время от времени вокруг становилось темно, словно ночью. Идти становилось трудно даже Ульдиссиану, лучше других чувствующавшему осыпи под ногами. Несмотря на собственные силы, пришлось ему положиться на помощь двоих тораджан, Сарона и Томо. Друг другу они доводились двоюродными братьями, причем Сарон был пятью годами старше Томо, и братья углублялись в эти края много дальше любого другого из спутников. В здешних лесах оба охотились почти так же мастерски, как Ахилий в лесах Серамы, и потому верховодили среди тех, кто добывал пропитание для остальных.

– Бойся зазубренных листьев с кустов тирокола, мастер Ульдиссиан, – сказал ему Сарон, указывая на пышные, красноватого цвета заросли по левую руку. – Порезешься о такие – сильный яд в кровь попадет.

Дабы подчеркнуть сей факт, старший из братьев поднял копьем нижние ветви куста. Под кустом обнаружился полуистлевший трупик какого-то мохнатого зверька. Крохотные малиново-алые ящерицы, пировавшие на его останках, бросились врассыпную, спеша укрыться в подлеске.

– Катака, – пояснил Томо. – На них яд не действует, но скапливается в их шкурке. Могут питаться теми, кто пал жертвой тирокола, но сами поэтому для всех остальных ядовиты.

Опасность Ульдиссиан чувствовал, но, обнаружив, что исходит она не от зверя, а от растения, поклялся удвоить старания. Сам он, скорее всего, с ядом этих кустарников справится, но как же спутники, еще не вошедшие в силу?

– О тироколе оповестите всех, – велел он Рому и еще нескольким.

Подобный приказ Ульдиссиан отдавал далеко не впервые и знал, что этот – далеко не последний. Казалось, каким-нибудь тайным – и зачастую опасным – свойством здесь, в джунглях, может похвастать любая былинка.

Целью похода по-прежнему оставался небольшой город под названием Хашир. По пути эдиремы особо приглядывались, не отыщется ли поблизости следов служителей Церкви Трех. Ульдиссиан был уверен: те трое, что покушались на его жизнь – не последние. Правду сказать, он чувствовал, что поведение Мендельна как-то связано с Церковью Трех, но верил: если в том возникнет нужда, брат наверняка расскажет правду.

Наверняка...

– Ты так глубоко задумался.

Измученный внезапным появлением рядом Серентии, Ульдиссиан скосил взгляд в ее сторону. Приближения ее он не заметил, и это многое говорило о том, что творится в его голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.